

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-7-52

Научная статья / Research paper

И.Н. Сотникова*

РОЛЬ Л.М. КАРАХАНА В КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1923–1926)

*Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32*

В 1920-е годы молодое советское государство в своей политике на китайском направлении преследовало несколько целей, подчас взаимоисключающих. Руководство СССР, с одной стороны, всеми силами добивалось международного признания и стремилось защитить свои жизненно важные интересы, с другой — активно продвигало идею мировой революции. В сложившейся ситуации внешнеполитическое ведомство страны нуждалось в опытных, гибких и прагматичных дипломатических работниках. В этом плане большой интерес представляет изучение деятельности Л.М. Карахана, направленного в качестве советского эmissара в Китайскую Республику для решения указанных деликатных задач. Фигура Л.М. Карахана тем более примечательна, что, будучи одним из разработчиков внешнеполитической линии СССР по отношению к Китаю, сам он не удостоился большого внимания ни в советской, ни в отечественной историографии, посвященной этому периоду. В настоящей статье на основе новых архивных документов и материалов на китайском языке предпринимается попытка дать комплексную оценку деятельности Л.М. Карахана на посту сначала полномочного представителя, а затем и посла СССР в Китае. В первых разделах статьи рассмотрены задачи миссии Л.М. Карахана в Китайской Республике и перипетии переговоров о заключении советско-китайского соглашения об установлении дипломатических отношений. Автор отмечает, что на данном направлении советский дипломат, опираясь на директивы собственного руководства, гибко лавировал между различными

* Сотникова Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (e-mail: sotnikova.irina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5967-8631).

группировками китайских элит и противостоял давлению представителей других держав. В последующих разделах подробно проанализирована деятельность Л.М. Карахана уже в качестве советского посла. Показано, что, умело сочетая тонкую дипломатическую игру и настойчивость, порой даже жесткость (особенно ярко это проявилось в таких наиболее запутанных сюжетах советско-китайских отношений, как проблемы принадлежности Китайско-Восточной железной дороги и статуса Внешней Монголии), Л.М. Карахан последовательно отстаивал в своей работе национальные интересы СССР. При этом следует подчеркнуть, что одновременно посол принимал самое активное участие в организации и поддержке революционного движения в Китае. Показывается, что Л.М. Карахан, по сути, стал центральным координатором советской помощи Гоминьдану, определяя не только ее формы, но и содержание. В заключение автор приходит к выводу, что Л.М. Карахан проявил себя не просто как проводник интересов советского руководства, но и как вполне самостоятельный политик, способный эффективно решать широкий спектр задач, часть которых изначально и не предполагались его миссией. В то же время отмечается, что напористый, жесткий стиль советского дипломата часто вызывал нарекания у иностранных представителей, сильно диссонируя с декларируемым стремлением СССР порвать с внешнеполитическими практиками царской России.

Ключевые слова: Л.М. Карахан, советско-китайские отношения, СССР, Китай, НКВД, КВЖД, Гоминьдан, Маньчжурия, Внешняя Монголия, мировая революция, Коминтерн, единый фронт, КПК

Для цитирования: Сотникова И.Н. Роль Л.М. Карахана в китайской политике Советского Союза (1923–1926) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 7–52. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-7-52.

Irina N. Sotnikova

THE ROLE OF L.M. KARAKHAN IN THE CHINESE POLICY OF THE SOVIET UNION (1923–1926)

*Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences
32 Nakhimovskii prospect, Moscow, 117997*

In the 1920s, the young Soviet state pursued several, sometimes mutually exclusive, goals in its policy towards China. On the one hand, the Soviet leadership did its best to achieve international recognition and sought to protect its vital

interests. On the other hand, it actively promoted the idea of a world revolution. Under those circumstances, the country's foreign ministry needed experienced, flexible, and pragmatic diplomats. In this regard, the activities of L.M. Karakhan, who was sent as a Soviet emissary to the Republic of China to address these sensitive issues, are of particular interest. The figure of L.M. Karakhan is all the more remarkable because, being one of the architects of the USSR's foreign policy towards China, he himself has not received much attention in either Soviet or Russian historiography. On the basis of new archival documents and Chinese primary sources the paper attempts to give a comprehensive assessment of L.M. Karakhan's tenure first as a plenipotentiary and then as an ambassador of the USSR to China. The first sections consider the tasks of L.M. Karakhan's diplomatic mission in China and the vicissitudes of the negotiations on the Soviet-Chinese agreement on the establishment of diplomatic relations. To that end, the Soviet diplomat, following the directives from Moscow, flexibly maneuvered between various groupings of Chinese elites and resisted the pressure of other great powers' representatives. The following sections examine L.M. Karakhan's activities as a Soviet ambassador. The author concludes that L.M. Karakhan consistently defended the national interests of the USSR, skillfully combining a fine diplomatic game and assertiveness, even rigidity at times. The latter was vividly manifested in the most challenging issues of Soviet-Chinese relations, such as disputes over the status of the Chinese Eastern Railway and Outer Mongolia. At the same time, the ambassador took an active part in organizing and supporting the revolutionary movement in China. In fact, L.M. Karakhan served as a central coordinator of the Soviet aid to the Kuomintang, determining both its forms and substance. The author concludes that L.M. Karakhan proved himself not merely as an agent of the Soviet leadership, but also as a politician in its own right capable to effectively address a wide range of tasks, some of which had not originally been intended by his mission. That said it is worth mentioning that the assertive, tough style of the Soviet diplomat often raised a lot of criticism among foreign representatives, since it was at odds with the declared USSR intentions to break with the foreign policy practices of tsarist Russia.

Keywords: L.M. Karakhan, Soviet-Chinese relations, USSR, China, People's Commissariat for Foreign Affairs, CER, Kuomintang, Manchuria, Outer Mongolia, world revolution, Comintern, United Front, CPC

About the author: *Irina N. Sotnikova* — PhD (History), Leading Research Fellow, Centre for Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: sotnikova.irina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5967-8631).

For citation: Sotnikova I.N. 2024. The role of L.M. Karakhan in the Chinese policy of the Soviet Union (1923–1926). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 7–52. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-7-52. (In Russ.)

С образованием Советского Союза в декабре 1922 г. перед советским правительством встала труднейшая задача прорыва международной изоляции, возобновления дипломатических и консульских отношений, защиты советских интересов в иностранных государствах. Помимо международного признания Советский Союз на внешней арене продвигал идею экспорта мировой революции. В этом контексте большой интерес представляет деятельность Л.М. Карахана, члена коллегии Народного комиссариата иностранных дел (НКИД), заместителя наркома иностранных дел, направленного в качестве советского эmissара в Китайскую Республику для решения актуальных проблем двусторонних отношений и содействия в организации помощи китайским революционерам.

Как ни странно, яркой биографии такого высокопоставленного дипломата в советское время в исторической литературе были посвящены лишь две работы. Первая — популярная брошюра «Видные советские коммунисты — участники китайской революции» (1970) [Капица, 1970] — сборник биографий востоковедов, погибших в годы репрессий, одна из которых написана дипломатом, историком-востоковедом М.С. Капицей и посвящена Л.М. Карахану. В этом издании впервые даны основные вехи жизни и деятельности Л.М. Карахана, о которых было ранее неизвестно широкому читателю. В 1983 г. В.В. Соколов на основе подготовленных им ранее статей [Соколов, 1978a, 1978b, 1978c] опубликовал небольшую книгу «На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана» [Соколов, 1983], которая более подробно и популярно повествовала о советском дипломате. В книге собраны сведения о его яркой личной жизни и главных событиях его биографии, обобщившие в основном источники личного происхождения: устные и письменные воспоминания трех жен Л.М. Карахана, его дочерей и близких знакомых. Сведения эти достаточно субъективны и не касаются деталей реальной дипломатической деятельности Л.М. Карахана, поэтому в полной мере работу нельзя назвать научным исследованием. То же можно сказать о юбилейных статьях, выпущенных к 100-летию

со дня рождения Л.М. Карахана [Соколов, 1989; Лилоян, 1989], а также о его биографиях в различных справочниках и энциклопедиях.

Основной причиной отсутствия научных исследований как по заявленной теме, так и по узловым проблемам советско-китайских отношений была недоступность документальных исторических источников. Многие десятилетия основными авторами работ по советско-китайским отношениям являлись О.Б. Борисов и Б.Т. Колосков (псевдонимы работников ЦК КПСС О.Б. Рахманина и Б.Т. Кулика) [Борисов, Колосков, 1980]. Этому авторскому тандему и небольшому числу других исследователей были доступны архивные материалы. Они выступали с официальной трактовкой политики советского государства в отношении Китая.

Положение изменилось лишь после открытия для исследователей государственных архивов Российской Федерации. Получив доступ к неизвестным ранее материалам, ученые смогли закрыть многие «белые пятна» в социально-политической истории страны, найти ответы на интересующие их вопросы, ввести в научный оборот значительный массив документов.

Прорывом в источниковедении советско-китайских отношений 1920–1940-х годов стал пятитомный сборник документов РГАСПИ¹ «ВКП(б), Коминтерн и Китай»², раскрывающий механизмы выработки стратегии и тактики китайской политики советского руководства, импульсы ее политической и практической корректировки. Большой интерес в этой связи представляют «особые папки» — ранее неизвестные, засекреченные протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП/ВКП(б) и директивы И.В. Сталина, в которых неоднократно Л.М. Карахан выступал активным действующим лицом. В этой связи следует также указать на незаслуженно обойденный вниманием исследователей сборник документов АВП РФ³ «Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом (Документы, август 1923–1926 гг.)»⁴. Составитель этого сборника доктор исторических наук А.И. Картунова является наиболее авто-

¹ РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. — *Прим. ред.*

² ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы: В 5 т. / Под рук. М.Л. Титаренко. М.: Буклет, 1994–2007.

³ АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации. — *Прим. ред.*

⁴ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом (Документы, август 1923–1926 гг.). М.: Наталис, 2008.

ритетным исследователем истории советско-китайских отношений в 1919–1927 гг. и взаимодействия Коминтерна и Коммунистической партии Китая (КПК). В предисловии к сборнику, а также в своей статье о роли Г.В. Чичерина в формировании китайской политики Советского Союза [Картунова, 1983, 2014, 2015] А.И. Картунова рассматривает деятельность Л.М. Карахана в непосредственной связи с наркомом НКВД, заместителем, другом и единомышленником которого являлся советский эмиссар в Китайской Республике. В остальных работах российских исследователей его деятельность упоминается только в связи с решением внешнеполитических задач, поставленных ему советским руководством [Лузянин, 1994, 1995, 1996, 1998; Аблова, 1999; Дацышен, 2018; Волкова, 2020].

Таким образом, до недавнего времени научного исследования, специально посвященного деятельности Л.М. Карахана, в отечественной историографии не было. Однако в 2022–2023 гг. появились статьи Д.И. Герасимова [Герасимов, 2022а, 2022b, 2023] о проблемах дальневосточной политики СССР и работе Л.М. Карахана на этом поприще. В 2024 г. указанные статьи вошли в диссертацию автора «Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на дальневосточном направлении СССР (1918 — начало 1930-х годов)» [Герасимов, 2024]. Не умаляя достоинств этого аналитического исследования, его фундированности и новизны, следует отметить, что в связи со значительным историческим периодом (1918–1934), рассмотренным диссертантом в ракурсе формирования узлов противоречий в межвоенный период на Дальнем Востоке, работа не могла быть достаточно подробной. От внимания автора ускользнули некоторые нюансы участия Л.М. Карахана в многомесячных переговорах, примененные им методы и способы решения труднейших задач по реализации единого национального фронта. Кроме того, Д.И. Герасимов считает, что деятельность Л.М. Карахана была «целиком и полностью подчинена вертикали власти», а работал он «в соответствии с указанием партии и лично И.В. Сталина», поэтому его трудно в чем-либо упрекать [Герасимов, 2024: 228].

В отличие от отечественных исследователей, китайские историки обратили пристальное внимание на деятельность Л.М. Карахана в качестве проводника советской политики в Китае. До 1990-х годов они пользовались американскими и британскими документами и материалами, а когда появилась возможность работать в архивах РФ, целый десант иностранных исследователей осел в РГАСПИ. Кро-

ме того, в дополнение к переводам российского сборника «ВКП(б), Коминтерн и Китай» на китайский язык историки КНР выявили и опубликовали документы китайских архивов, начались широкая публикация и оцифровка собственных материалов.

При наличии значительного количества документов появилось несколько публикаций о политике Советского Союза в Китае [Жэнь Цзяньшу, 2001; Сюэ Жуйхань, 2003; Ван Вэньфэн, 2003], о советско-китайских отношениях [Су э ди и цы дуй хуа сюаньянь дуй чжун су гуаньси дэ ин сян, 1988; Лу Цзяньхун, 1994; Тянь Баого, 1999; Ло Сяохуэй, 2002; Ван Дун, 2002; Хуан Динтянь, 2004; Чжоу Хай, 2005], о Внешней Монголии [Сунь Цайшунь, 1997; Лю Цзинчжун, 2004] и политике единого фронта КПК и Гоминьдана [Ян Куйсун, 1990; У Юанькан, 2006]. Однако напрямую связанных с деятельностью Л.М. Карахана исследований в Китае не так много. Большая часть авторов отдают должное дипломатическим способностям полпреда СССР, считая, что он «сыграл важную роль в подписании первых равноправных “Соглашения Китай — Россия” и “Соглашения Фэнтянь⁵ — Россия” и <...> внес выдающийся вклад в установление ранних дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом» [Лю Ли, 2007: 35; Лю Цзяньмэй, 2020: 33]. Кроме того, китайские историки отмечают, что Л.М. Карахан был «убежденным сторонником помощи китайской национальной революции» и, находясь на дипломатическом посту в Пекине, «неоднократно активно добивался для Гуанчжоуского национального правительства и Национальной армии Северного Китая финансирования, оружия и консультантов у московских властей» [Ду Илин, 2020: 58].

Вместе с тем у китайских исследователей имеются претензии к деятельности Л.М. Карахана в Китае. В первую очередь это касается слов декларации о «безоговорочном возвращении Китаю Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и связанного с ней имущества без требования компенсации» [Лю Цзяньмэй, 2020: 34]. Наличие такой формулировки советский дипломат отрицал на переговорах. Из этого разночтения вытекала проблема КВЖД, которую он твердо намерен был «не возвращать». Причем, по мнению китайских авторов, «его не волновало, нанесет ли это ущерб интересам Китая»

⁵ Фэнтянь — с 1912 г. провинции в Северо-Восточной части Китайской Республики на территории Маньчжурии, обладавшие своим правительством (управой) в Фэнтяне (Шэньяне, ранее — Мукден) во главе с генерал-губернатором Чжан Цзолинем.

[Ду Илин, 2020: 28], что противоречило заявленным принципам равноправных советско-китайских отношений. Аналогично в Китае оценивают ситуацию, сложившуюся с Внешней Монголией (Монгольской народной республикой, МНР). Получение ею при помощи Л.М. Карахана независимости не просто стало «вмешательством во внутренние дела Китая, но и подорвало его суверенитет и территориальную целостность, серьезно разделило саму монгольскую нацию» [Ду Илин, 2020: 27]. Л.М. Карахан, не колеблясь, «принес в жертву интересы Китая ради национальных интересов Советского Союза», что, по мнению китайцев, является «национальным эгоизмом» и «великодержавным шовинизмом» [Чжао Вэньлян, Ху Сиюань, 1999: 120]. Давление, которое советский дипломат оказывал на китайское руководство в ходе переговоров, серьезно подорвало территориальный суверенитет Китая, а вопросы Монголии и КВЖД стали скрытой опасностью для будущего развития советско-китайских отношений. В связи с этим представляется необходимым определить правомерность обвинений, предъявляемых китайской историографией Л.М. Карахану.

На основе архивных документов и привлеченных автором китайских источников и исследований в данной статье предпринимается попытка определить роль и место Л.М. Карахана в разработке и корректировке политики СССР в отношении Китая, а также показать механизм принятия решений советским руководством, в частности, по проблемам принадлежности КВЖД, статуса Внешней Монголии и Маньчжурии в советско-китайских отношениях, показать дипломатические методы, процессы и результаты деятельности Л.М. Карахана в Китае в 1923–1926 гг. во враждебном окружении дипломатов ведущих держав. Впервые в отечественной историографии в таких подробностях и под таким углом рассматривается вклад Л.М. Карахана в восстановление дипломатических отношений СССР с Китайской Республикой и Японией, исследуется его роль в помощи Гуандунской базе китайского революционного движения.

Задачи полпреда СССР Л.М. Карахана в Китае.

Начало переговоров

Лев Михайлович Карахан (наст.: Левон Микаэлович Караханян) (20.01.1889–20.09.1937) — революционер, политический деятель,

дипломат. В 1904 г. вступил в РСДРП⁶, участвовал в революционной работе в Китае, Приморье, Сибири, Прибайкалье и в организации Советов в Иркутске. После Февральской революции в Петрограде был избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), членом Президиума и секретарем первого Петросовета. В 1917–1918 гг. он участвовал в мирных переговорах с Германией, отстаивая позицию В.И. Ленина, чем заслужил его доверие в последующие годы. По окончании переговоров Л.М. Карахан был назначен членом коллегии НКВД РСФСР и заместителем наркома иностранных дел Г.В. Чичерина. В письме В.И. Ленину нарком отмечал здравый смысл, политическое чутье и полную самоотдачу Л.М. Карахана [Сопельняк, 2015: 146]. Он участвовал в подготовке и проведении I Конгресса Коминтерна, на котором был избран членом Исполкома (ИККИ). Л.М. Карахан стоял у истоков советской дипломатии. От имени советского правительства он вел переговоры с Бухарой, Хивой, Персией, Афганистаном, Арменией, Грузией, в 1920 г. отвечал за работу с Дальневосточной республикой (ДВР). По свидетельству очевидцев, многие документы В.И. Ленин подписывал только после визы Л.М. Карахана. В НКВД он курировал восточное направление, готовил предложения по организации пропаганды в странах Востока⁷, участвовал в формулировании основ политики России в отношении Китая. Общие принципы этой политики за подписью Л.М. Карахана были зафиксированы в документах 1919–1920 гг. и получили название первой и второй «Деклараций Карахана»⁸. Эти документы стали важными внешнеполитическими актами советского правительства.

Предыдущие миссии ДВР и РСФСР⁹ не смогли достичь в Китае значимых успехов из-за разногласий о статусе Внешней Монголии

⁶ РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия. — *Прим. ред.*

⁷ Письмо Л. Карахана В. Ленину о пропаганде на Востоке. Москва, 20 февраля 1919 г. // Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. М.: Наука, 1998. С. 130–132.

⁸ Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая, 25 июля 1919 г. // Советско-китайские отношения 1917–1957: Сборник документов / Отв. ред. И.Ф. Курдюков, В.Н. Никофоров, А.С. Перевертайло. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 43–45; Нота Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР Министерству иностранных дел Китая, 27 сентября 1920 г. // Там же. С. 51–53.

⁹ Дипломатические миссии ДВР и РСФСР во главе с И.Л. Юриным, А.К. Пайкесом и А.А. Йоффе (1920–1922) [подробнее см.: Орнацкая, Ципкин, 2007].

и принадлежности КВЖД. Неудивительно, что 8 августа 1923 г. главным «переговорщиком» в Китай был направлен молодой, но уже опытный дипломат Л.М. Карахан.

Двуединой и противоречивой его задачей в Китае было установление дипломатических отношений с официальным правительством Китайской Республики и продвижение революционных идей в целях свержения этого правительства. Пошаговый план миссии Л.М. Карахана был разработан в Москве весной 1923 г., при этом советскому эмиссару предстояло: восстановить дипломатические отношения между странами, защитить интересы СССР в Китае, начать переговоры с Чжан Цзолинем, губернатором Фэнтяня, т.е. трех провинций Маньчжурии (Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян), и подписать соглашение о КВЖД; установить тесную связь с демократическим правительством на юге страны во главе с лидером партии Гоминьдан Сунь Ятсеном для оказания ему помощи в создании объединенного национального всекитайского правительства в Пекине под эгидой Гоминьдана¹⁰.

Подобная географическая разбросанность задач объяснялась своеобразием политической ситуации в Китае, получившей название «эра милитаристов». Зависимая от западных держав страна со слабым центральным правительством в Пекине была расколота между группировками милитаристов, которые не считались ни с какими законами и обладали собственными правительствами и вооруженными силами. Среди группировок было несколько центров влияния: на северо-востоке страны — прояпонская фэнтяньская группировка Чжан Цзолиня; зависимое от ведущих держав и находившееся под влиянием главы чжилийской группировки милитаристов У Пэйфу центральное пекинское правительство во главе с президентом Цао Кунем; и, наконец, демократическое правительство Сунь Ятсена на юге в Кантоне (Гуанчжоу).

В конце августа 1923 г. по дороге в Пекин полномочный представитель (полпред) Л.М. Карахан прибыл в Фэнтянь, где планировал достичь соглашения с Чжан Цзолинем о принадлежности КВЖД, а также решить важную проблему наличия на железной дороге белогвардейских отрядов, угрожавших безопасности советских границ.

¹⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 66.

Л.М. Карахан постоянно находился на связи с наркомом Г.В. Чичериным. В одном из первых писем он сообщил в Москву об оказанном советской делегации торжественном приеме. Тем не менее, несмотря на готовность Чжан Цзолиня «серьезно договориться» с полпредом СССР, переговоры быстро зашли в тупик. По «идеальному» плану Л.М. Карахана заключение соглашения с Чжан Цзолинем упрочило бы позиции СССР на КВЖД и в Монголии и стимулировало бы пекинский кабинет министров признать советское государство. Но план не удался: советский дипломат добился лишь устного обещания Чжан Цзолиня заменить белогвардейцев на КВЖД советскими сотрудниками¹¹. Причиной неудачи переговоров стало вмешательство в них иностранных держав. Чжан Цзолинь в доверительном разговоре признался Л.М. Карахану в своем затруднительном положении: в случае подписания соглашения он рисковал быть объявленным предателем национальных интересов Китая, при этом на него оказывали сильнейшее давление иностранные дипломаты, в частности представитель Японии, который почти ежедневно требовал не подписывать никаких соглашений. Такую же линию проводили консулы великих держав в Фэнтяне, готовые «взять его за горло» в любой момент¹². В ответ Л.М. Карахан намекнул, что при потере надежды договориться мирно СССР может пойти на военное взятие КВЖД. Проведя безрезультатно 10 дней в Фэнтяне, полпред направился в Пекин. В дальнейшем он поддерживал связь с Фэнтянем через своих представителей.

Переговоры Л.М. Карахана с центральным правительством в Пекине. Заключение советско-китайского соглашения

В Пекине Л.М. Карахана тепло приветствовали представители всех слоев общества. В своей речи по приезде, которую позже назвали «Третьей декларацией Карахана», он убеждал китайцев, что Советский Союз — единственный друг китайского народа в достижении свободы и независимости. Он сознательно апеллировал к народу Китая, рассматривая его в качестве главного объекта советской дипломатии. В дальнейшем он встречался с китайскими и иностранными журналистами, устраивал приемы для знаменитостей. Его

¹¹ Там же. С. 79.

¹² В Москве вариант военного занятия КВЖД не был одобрен ни в то время, ни позже. См.: Там же. С. 68, 69, 74.

импровизированные выступления демонстрировали дружественное отношение СССР к народу Китая.

Среди дипломатов ведущих держав приезд Л.М. Карахана не вызвал восторга. К тому моменту Советский Союз был признан лишь одной ведущей державой — Германией. Даже не вдаваясь в детали условий предлагаемого соглашения, дипкорпус дружно выступил против переговоров и признания СССР. Общее давление одинаково оказывалось как на президента и правительство, так и на Ван Чжэнтин, назначенного главой китайской делегации на переговорах. После признания Советского Союза Англией враждебность дипломатов Франции, Японии и США только усилилась.

Л.М. Карахан информировал Г.В. Чичерина о своей возможности документально подтвердить, что иностранные державы пытались сорвать переговоры. В частности, французский посланник Э.Ф. де Флерио вручил ноту китайскому правительству с протестом против решения вопроса о КВЖД без участия Франции¹³. Кроме того, он через министра финансов Ван Кэмина оказывал давление на президента Цао Куня, с которым у того были дружеские отношения. Ван Кэмин соблазнял Цао Куня крупным французским займом, который мог получить Китай, отказавшись от переговоров с Советским Союзом. В случае подписания соглашения с СССР Франция, утверждал Ван Кэмин, отвернется от Китая, что приведет к неминуемому краху страны и падению самого президента¹⁴.

По свидетельству Л.М. Карахана, воздействие оказывалось и на министра иностранных дел Веллингтона Ку (Гу Вэйцзюнь), прежде всего со стороны американцев, с которыми тот считался более всего. Однако помимо чисто политических соображений у министра были личные карьерные расчеты. Он опасался, что в случае подписания китайско-советского соглашения Ван Чжэнтин мог занять его кресло¹⁵. Другие державы, хотя не протестовали письменно, но, несомненно, систематически оказывали давление через своих посланников и по другим каналам, так как и Япония, и США были связаны тысячами нитей с общественными деятелями, правительством, кабинетом, финансовыми организациями Китая и т.д.

¹³ Там же. С. 190–191.

¹⁴ Там же. С. 192.

¹⁵ Там же. С. 193.

Однако, несмотря на давление, Ван Чжэнтин заявил Л.М. Карахану о готовности решить советско-китайский вопрос и предложил как можно скорее согласовать дату начала переговоров. Л.М. Карахан же не торопился, продолжая налаживать контакты с прессой, с разными социальными группами и важными людьми из всех слоев китайского общества, включая основателя националистической партии Гоминьдан Сунь Ятсена, чтобы заручиться их поддержкой.

Проблемы возникли и при обсуждении повестки дня будущих переговоров. Правительство Пекина предлагало сначала решить спорные вопросы между странами, а затем подписать договор. Л.М. Карахан усвоил урок двух предыдущих неудачных миссий А.К. Пайкеса и А.А. Иоффе и настаивал на обратной очередности: сначала признание, а затем — переговоры¹⁶. 18 сентября 1923 г. из-за разногласий между сторонами переговоры завершились, по сути, не начавшись. Поскольку советский дипломат был непреклонен, Ван Чжэнтину пришлось согласиться на его условия: сначала подписать соглашение о признании СССР на основе деклараций о Китае 1919 и 1920 гг.

22 сентября переговоры возобновились, а 13 октября Ван Чжэнтин после консультаций с В. Ку предоставил полпреду проект соглашения о восстановлении советско-китайских отношений. Но Л.М. Карахан заметил в нем пункт о «советской оккупации» Внешней Монголии и отклонил проект. 30 ноября от имени советского правительства он заявил в прессе, что все спорные вопросы будут решены в полном соответствии с духом деклараций 1919–1920 гг. после восстановления советско-китайских отношений [Ду Илин, 2020: 23].

Переговоры вновь остановились и возобновились только в феврале 1924 г. вслед за признанием СССР Италией и Великобританией. Китай боялся потерять лицо и оказаться позади западных держав в этом процессе. 10 марта 1924 г. Л.М. Карахан отправил Г.В. Чичерину копии проектов документов, одобренных кабинетом министров Китая. Это были рамочные соглашения, определявшие принципы работы будущей конференции по вопросам КВЖД, наличия советских войск в Монголии, статуса внешнеторговых предприятий и торговых интересов и т.д. Конференцию планировалось провести через месяц после подписания соглашения.

¹⁶ Там же. С. 169.

Ван Чжэнтин регулярно отчитывался перед кабинетом министров о подробностях переговоров. 13 марта члены правительства выразили удовлетворение достигнутыми им результатами. Сразу после заседания правительства Ван Чжэнтин приехал к Л.М. Карахану, и до 8 часов утра 14 марта 1924 г. они уточняли формулировки. Л.М. Карахан знал о китайской традиции «не торопиться и тянуть бесконечно», поэтому сознательно не отпускал своего визави до парафирования текста соглашения, фактически заперев его у себя в кабинете. Полпред пошел на этот «героический», по его словам, а по факту — запредельный шаг, чтобы закончить дело в один прием¹⁷.

Согласовав 14 марта утром все тексты, переговорщики условились в течение дня поставить подписи под переписанными набело соглашениями в торжественной обстановке. Однако ни в тот день, ни на следующий подписания парафированного соглашения не произошло. Только вечером 15 марта выяснилось, что китайское правительство дезавуировало подпись Ван Чжэнтина, мотивируя решение тем, что он не имел полномочий принимать условия, сформулированные в соглашении 14 марта. Л.М. Карахан решительно бросился в атаку на кабинет министров, отнявший у него такую близкую победу. 16 и 19 марта он направил в правительство Китая ноты о срыве достигнутого соглашения, а 18 марта посетил В. Ку, которому указал на ответственность китайского правительства за случившееся. Полпред выставил ультиматум: если в трехдневный срок не будет ответа, то Советский Союз откажется от соглашения, а в будущем переговоры начнутся лишь после признания СССР¹⁸. Министр В. Ку убеждал Л.М. Карахана, что ответственность за инцидент целиком лежит на уже отстраненном от своих обязанностей Ван Чжэнтине, но советский полпред был непреклонен, заявляя, что переговоры закончены и единственным выходом является немедленное признание СССР¹⁹. С подачи Л.М. Карахана пресса подробно освещала происходившие события, что вызвало большое оживление в обществе. Студенчество и профессура требовали немедленного признания Советского Союза без всяких условий и соглашений. Этого же ожидал от президента, кабинета министров и МИДа имевший

¹⁷ Там же. С. 194.

¹⁸ Там же. С. 195.

¹⁹ Там же.

влияние на правительство генерал У Пэйфу. Таким образом, из-за твердой позиции Л.М. Карахана переговоры вновь остановились.

Секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин предложил Л.М. Карахану использовать это время для заключения соглашения с Чжан Цзолинем, считая, что это по плечу только советскому послу²⁰. Однако Л.М. Карахан ослушался секретаря ЦК, поскольку был убежден, что нужен в Пекине, чтобы продемонстрировать силу Советского Союза великим державам и Китаю, сохранить имидж страны в общественном мнении и защитить национальные интересы. Вместо себя он направил в Маньчжурию на помощь уполномоченному СССР за подготовку к переговорам А.А. Краковецкому политического советника М.М. Бородина. Вероятно, Л.М. Карахан был взбешен позицией китайского правительства, поскольку предлагал советскому руководству провести на Дальнем Востоке военные учения [Ду Илин, 2020: 25]. Однако в условиях нестабильного положения СССР в Европе в Москве не поддержали предложение Л.М. Карахана. Тем не менее полпред считал свою позицию на переговорах в целом выгодной, так как отказ от уже подписанного соглашения грозил обернуться «позором для нации», и это подталкивало Китай к его признанию²¹.

Полпред рассчитал верно: как только соглашение в Пекине сорвалось, из Фэнтяня пришла телеграмма о готовности маньчжурского правительства немедленно подписать соглашение 14 марта в части, касающейся Маньчжурии и КВЖД. Содействовал этому Ван Чжэнтин, снятый правительством с поста²². Текст соглашения, составленный на английском языке, был передан на перевод, но в последний момент китайцы внесли в него поправку, которая ущемляла интересы СССР. Так, статья об обязательствах снимала с КВЖД все претензии Советского Союза по акциям, облигациям и другим долгам, что было неприемлемо. Начиная с 20 мая переговоры в Фэнтяне были сосредоточены вокруг спора о правильном переводе²³. Одновременно Л.М. Карахан предпринял ряд усилий, чтобы информация о завершении переговоров в Фэнтяне дошла до В. Ку и он не смог бы сохранить это в тайне, в частности, от У Пэйфу. Полпред, используя свои связи среди членов парламента, довел до сведения У Пэйфу состояние дел в Фэнтяне, а для достоверности окольными путями

²⁰ Там же. С. 166.

²¹ Там же. С. 194–196.

²² Там же. С. 197.

²³ Там же. С. 213–214.

сообщил ту же информацию через членов американской миссии. Расчет Л.М. Карахана оправдался: У Пэйфу надавил на правительство, требуя немедленно урегулировать вопрос с СССР²⁴. Возможно, это было главным и решающим толчком, приведшим к подписанию соглашения, так как получение телеграмм от У Пэйфу заставило В. Ку искать какой-то выход из сложившейся ситуации. Для влияния непосредственно на В. Ку Л.М. Карахан использовал также попытку покушения на него, когда бомба ранила трех слуг в доме министра. Советский полпред сразу выразил ему свои соболезнования²⁵. Наконец, свою роль сыграли начавшиеся переговоры СССР с Японией, о ходе которых сообщала как японская, так и китайская пресса. Эти переговоры переключили внимание посланников Франции и США на японские проблемы²⁶.

Выраженные Л.М. Караханом соболезнования произвели на В. Ку должное впечатление. 20 мая он прислал к полпреду своего советника Чжу, чтобы передать благодарность «за выраженные чувства». Чжу дал понять полпреду, что может устроить встречу с В. Ку. Но Л.М. Карахан решительно заявил, намекая на скорое соглашение с Фэнтянем, что они увидятся только на подписании соглашения, и если пекинский кабинет не поторопится, то уступки, которые полпред готов сделать сейчас, потом будут невозможны²⁷.

28 мая Чжу привез Л.М. Карахану редакционные изменения, которые включали прежние требования к СССР вывести войска из Монголии без всяких условий. Полпред в ответ пригрозил направить телеграмму в Фэнтянь о согласии подписать сепаратное соглашение. В тот же день ночью Чжу сообщил Л.М. Карахану, что В. Ку готов пойти на все его условия, но просит внести в текст какие-либо стилистические изменения для того, чтобы тот мог сообщить правительству, что подписывает улучшенный проект, а не соглашение в редакции Ван Чжэнтина от 14 марта. Министр попросил также держать всё в тайне из-за возможного вмешательства западных держав²⁸. Л.М. Карахан охотно пошел на такие уступки.

Таким образом, лавируя между Пекином и Фэнтянем, Л.М. Карахан добился того, что 31 мая 1924 г. в 10 часов официально были

²⁴ Там же. С. 214.

²⁵ Там же. С. 215.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 218.

²⁸ Там же.

подписаны «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов...» и ряд деклараций к нему²⁹. Полпреду удалось улучшить советские позиции по ряду проблем: обеспечить целевое расходование «боксерской» контрибуции³⁰, «узаконить» возможность пребывания советских войск на территории Монголии, подтвердить передачу в собственность СССР российских концессий³¹. По советско-китайскому соглашению Советский Союз отказался от всех привилегий царского правительства в Китае: от консульской юрисдикции, экстерриториальности и т.д., что свидетельствовало об отношении СССР к Китаю как к равноправному и суверенному государству. Хотя данное соглашение не решало все исторически проблемные вопросы двусторонних отношений, оно стало первым равноправным договором, подписанным Китаем с иностранным государством. Главным итогом оказалось то, что дипломатические отношения между странами были восстановлены. Таким образом, Л.М. Карахан выполнил первую задачу, поставленную ему советским руководством.

Борьба первого посла СССР с дипломатическим корпусом и вступление в должность дуайена

Через неделю из Москвы пришло известие о назначении Л.М. Карахана послом СССР в Китайской Республике. Инициатива повышения статуса полпреда до ранга посла принадлежала самому Л.М. Карахану, убедившему наркома и Политбюро ЦК РКП(б), что в условиях, когда дипкорпус разговаривает с пекинским правительством на языке коллективных нот, советский представитель должен стать послом, чтобы иметь возможность более эффективно противостоять западным дипломатам³². Он также подготовил ноту китайскому кабинету министров о том, что обмен послами

²⁹ Там же. С. 218–219.

³⁰ Советское правительство отказалось от получения с Китая оставшейся части контрибуции (свыше 100 млн золотых рублей) за Ихэтуаньское (Боксерское) восстание (1899–1901), которую Китай выплачивал западным державам по «Заключительному протоколу» (7 сентября 1901 г.). В отличие от соглашения с Ван Чжэнтином (14 марта), по новому соглашению финансовые операции с «боксерскими» суммами гарантированно поступали по целевому назначению на дело просвещения, а не попадали в какой-нибудь китайский банк.

³¹ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 204–207.

³² Там же. С. 211.

будет свидетельством равноправия отношений и уважения к народу Китая. Содержание ноты полпред сразу передал газетчикам с соответствующими указаниями. 31 июля президент Китайской Республики Цао Кунь в зале Хуайжэнь принял верительные грамоты Л.М. Карахана [Лю Ли, 2007: 29], первого иностранного посла в Китае с момента установления им дипломатических отношений с зарубежными странами.

Признание советского представителя послом вызвало панику в дипкорпусе. Л.М. Карахан — посол страны, не признанной большинством держав, — становился главной дипломатической фигурой, дуаиеном дипкорпуса в Китае. По устоявшейся международной традиции в подобных «малозначимых» странах, как Китай, ведущие державы были представлены министрами-посланниками, что ниже уровня посла. И хотя Л.М. Карахан был моложе всех (ему было всего 35 лет, тогда как американскому министру Дж. Шурману исполнилось 70, а голландскому и японскому министрам было около 50 лет), он получил более высокий ранг, чем все остальные дипломаты. Без согласия посла стало невозможно вмешиваться коллективными нотами во внутренние дела Китая.

В этих условиях дипломаты недружественных стран неоднократно сепаратно собирались и обсуждали создавшееся положение. В Дунцзяоминьсяне (старый посольский квартал в Пекине) разыгрывалось настоящее соревнование, кто из дипломатов вставит больше палок в колеса Л.М. Карахану. Стараясь свести на нет деятельность посла, они сформировали при дипкорпусе «комитет четырех держав» (Великобритании, США, Франции и Японии), расколов тем самым дипкорпус на «комитет», советское посольство и остальные 12 стран [У Мэнсюэ, 1993: 175–176]. Представители держав «комитета» игнорировали Л.М. Карахана, бойкотировали мероприятия с его участием, вели за его спиной переговоры с МИД Китая, не консультируясь с другими дипломатами. Враждебность к послу в Дунцзяоминьсяне выразилась также в попытках дипкорпуса в течение 4 месяцев не допустить передачу царской посольской и консульской собственности, находившейся в посольском районе под общим управлением дипкорпуса.

В ответ Л.М. Карахан развернул борьбу по принципу «око за око», оказывая сопротивление неразумному поведению дипкорпуса. Он воздействовал на В. Ку и нового министра иностранных дел Шэнь Жуйлиня (Шэнь Куйлинь), указывая на незаконность на-

личия двух дипмиссий: «комитета» из министров великих держав во главе с первоначальным ведущим министром и миссии из 12 других диппредставительств во главе с послом СССР, вступившим в эту должность в конце июля 1924 г. Л.М. Карахан требовал от министра оказать воздействие на «незаконный» дипкорпус и вернуть собственность СССР. Министр разослал уведомление диппредставительствам о том, что прежнее российское посольство не подлежит контролю других стран. Однако миссия воспользовалась процедурными нарушениями, не среагировала на уведомление и не вернула теперь уже советскую собственность. Тогда Л.М. Карахан подключил общественное мнение, по всей стране прокатилась волна протестных акций, что вызвало обеспокоенность дипкорпуса. В результате 17 августа дипкорпус направил в МИД Китая ноту с согласием вернуть советское посольство [Хуан Цзилян, 1982].

Что касается попыток изоляции Л.М. Карахана, то он боролся с ней методом тайной дипломатии, решая вопросы на отдельных встречах с представителями других держав. В результате постепенно ситуация стала меняться, многие министры-посланники в свою очередь запросили у правительств повышения своего ранга. Лед враждебности и недоверия дипкорпуса к послу постепенно таял. «Комитет заговорщиков» согласился участвовать в церемониальных мероприятиях во главе с советским послом, была достигнута договоренность о преобразовании миссии в единую группу. Старый дипкорпус в Дунцзяоминьсяне перестал существовать. Тупиковая ситуация в посольском споре окончательно завершилась 25 сентября 1924 г. победой Л.М. Карахана. 27 апреля 1925 г. советский посол официально вступил в должность дуайена дипкорпуса в Китае.

Решение Л.М. Караханом вопроса о КВЖД.

Советско-фэнтяньское соглашение

Наиболее сложным и запутанным для Л.М. Карахана оставался вопрос о принадлежности КВЖД. Камнем преткновения были разночтения двух «деклараций Карахана». Если в первом документе говорилось о безвозмездной передаче имущества Китаю, то во втором этот абзац был опущен. Л.М. Карахан объяснял это обстоятельство ошибкой сотрудников внешнеполитического ведомства³³. Известный китаевед М.В. Крюков в подробнейшем текстологическом

³³ Там же. С. 88.

анализе вариантов документов доказал, что советский посол, мягко говоря, лукавил. Китайскому правительству был передан отредактированный документ, хотя еще в октябре 1921 г. Л.М. Карахан напоминал Г.В. Чичерину, что в декларации 1919 г. говорилось о безвозмездной уступке дороги. Этот пункт был убран из декларации после того, как в ноябре 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение оставить КВЖД в собственности Советской России [Крюков, 2010: 234]. Представляется, что в революционном запале советское правительство объявило об отказе от всех неравноправных договоров, от аннексий и контрибуций, об отмене всех тайных договоров. Позже по здравому разумению оно пришло к выводу, что терять дорогу, в которую Россия вложила от 790 млн до 1 млрд рублей и которая приносит доход в 12 млрд³⁴, неразумно. Подтверждением этому служат обнаруженные М.В. Крюковым слова Л.М. Карахана о том, что в СССР произошел переход от «декларативной» внешней политики к «деловой»: «Мы сейчас вступили в такой период нашего внешнего положения, когда каждая пядь советской земли и каждый советский рубль должны быть предметом нашего особого внимания, и мы без серьезной борьбы не можем уступить другим державам ни одного реального блага» [Крюков, 2010: 236].

Положение Советского Союза на железной дороге было чрезвычайно тяжелым. Там работало большое количество белогвардейцев, а принадлежавшее СССР имущество постоянно разворовывалось. Белые пытались захватить полосу отчуждения КВЖД. Кроме того, происходила медленная «японизация» дороги: угольные ресурсы и имущество были переданы японцам. В этой связи конечной целью стратегии Л.М. Карахана на переговорах с Фэнтянем стало установление контроля Советского Союза над КВЖД, причем независимо от того, кто подпишет соглашение — Пекин или Фэнтань. Сам Л.М. Карахан находился в Пекине, следил за процессом по докладам М.М. Бородин. Сдвиг в переговорах произошел, как уже говорилось, после срыва соглашения 14 марта 1924 г. Но случилась накладка: 4 мая М.М. Бородин, не согласовав свои действия ни с Г.В. Чичериным, ни с Л.М. Караханом, предоставил маньчжурским чиновникам проект соглашения, куда непонятным образом вошли формулировки о выкупе Китаем железной дороги, долговом вопросе железнодорожной компании, принципе распределения занятости

³⁴ Там же. С. 277–278, 286.

между двумя странами в Правлении железной дорогой и т.д. [Ду Илин, 2020: 43].

Похоже, что при корректировке проекта между М.М. Бородиным и Л.М. Караханом возникли проблемы со связью. Но при этом переговоры находились под прямым контролем Политбюро ЦК, которое, по заверению М.М. Бородина, посчитало проект «вполне приемлемым» и согласилось на его подписание [Ду Илин, 2020: 43]. Внесенные в соглашение изменения требовали корректировки текста. Пока представители Фэнтяня этим занимались, в Пекине было подписано Соглашение 31 мая. Для Чжан Цзолина это стало неприятной неожиданностью, поскольку центральное правительство обошло его интересы. Он публично заявил о непризнании соглашения [Ду Илин, 2020: 44].

В ответ Л.М. Карахан дал указание не подписывать соглашение и отозвал М.М. Бородина, чтобы показать Фэнтяню, что не желает идти на уступки. В это же время правительство Пекина направило эмиссаров в Фэнтянь убедить Чжан Цзолина отказаться от независимых переговоров с Советским Союзом. Л.М. Карахану пришлось неоднократно встречаться с В. Ку, чтобы уговорить министра не чинить препятствий. Для ускорения подписания соглашения с Фэнтянем Л.М. Карахан решил начать новый раунд переговоров и отправил туда своего представителя Н.К. Кузнецова с новым проектом соглашения, но в Фэнтяне отказались обсуждать его при одобренном предыдущем³⁵.

Подобная челночная дипломатия с попытками внести изменения в проект соглашения и взаимными уступками закончилась к концу июля, когда текст документа был согласован и 28 июля отправлен в СССР для одобрения руководства страны³⁶. В Москве соглашение проходило через утверждение Совнаркома и ЦИК СССР, что замедлило процесс. 11 сентября Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение: «Поручить тов. Карахану подписать с Чжан Цзолинем выработанное соглашение»³⁷. Труднейшие переговоры, длившиеся три месяца, 20 сентября 1924 г. наконец завершились. «Соглашение между правительствами Союза ССР и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики» также являлось

³⁵ Там же. С. 259.

³⁶ Там же. С. 288.

³⁷ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925: Документы... С. 479.

рамочным и включало вопросы о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом планах³⁸. Надо отметить, что, согласно подписанным 20 сентября 1924 г. соглашениям, контроль СССР над КВЖД не был полным. 3 октября 1924 г. железная дорога, признанная коммерческим предприятием, перешла под совместное советско-китайское управление. Хотя принципы этого управления только вырабатывались Л.М. Караханом, советские работники дороги начали заполнять штатные единицы. Директором (управляющим) дорогой стал А.Н. Иванов. С самого вступления в должность он начал упрочивать позиции СССР на КВЖД, действуя решительно и жестко при поддержке советского посла. Не согласовывая свои действия ни с Москвой, ни с китайской стороной, 9 апреля 1925 г. он опубликовал «Приказ № 94», суть которого сводилась к тому, что с 31 мая все железнодорожные работники должны были натурализоваться и иметь либо советское, либо китайское гражданство, а не обратившиеся за гражданством с 1 июня отстранялись от работы³⁹.

Маньчжурское руководство, наблюдая это, не желало терять свои права и приняло контрмеры, сообщив о ситуации губернатору Чжан Цзолиню с просьбой отменить «Приказ № 94». Л.М. Карахан решил защитить А.Н. Иванова. 23 мая 1925 г. он направил ноту министру Шэнь Жуйлиню, в которой обвинил Фэнтянь в нарушении подписанных советско-китайских соглашений, а также в сокрытии белогвардейцев на КВЖД. Он потребовал выполнить приказ А.Н. Иванова. Узнав об этом, Г.В. Чичерин занял иную позицию. Он посчитал, что «юридически т. Иванов не прав» и большой ошибкой является неуважительное отношение к китайским кадрам железной дороги, навязывание им своих⁴⁰. 23 июня 1925 г. Л.М. Карахан сам признался И.В. Сталину, что у А.Н. Иванова «линия в отношении китайцев жесткая, <...> великодержавная»⁴¹.

Однако Л.М. Карахан и после конфликта продолжал поддерживать тот же курс советского руководства в отношении КВЖД,

³⁸ Соглашение между правительством Союза ССР и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях, 20 сентября 1924 г. // Советско-китайские отношения 1917–1957: Сборник документов... С. 94–98.

³⁹ КВЖД только для граждан России и Китая // Новости жизни. 1925. С. 3.

⁴⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 536–537.

⁴¹ Там же. С. 551.

а нерешенная проблема управления дорогой вскоре вызвала новое обострение.

Поводом для дальнейшей эскалации конфликта стал инцидент с транспортировкой войск. 28 ноября А.Н. Иванов на основании указания Л.М. Карахана издал приказ, в котором объявлял, что с 1 декабря 1925 г. бесплатные военные перевозки прекращаются, а доставка войск и военных грузов будет осуществляться за наличные деньги. 16 января 1926 г. офицеры и солдаты роты железнодорожной охраны в Чанчуне хотели сесть на поезд, но он был остановлен. Советская бригада железнодорожников попросила офицеров и солдат оплатить проезд наличными. Впоследствии, начиная с 17 января того года, движение всех поездов дальнего следования было приостановлено, что привело к хаосу на железной дороге. 22 января командующий дорожной охраной Чжан Хуаньсян отдал приказ арестовать А.Н. Иванова по обвинению в «превышении полномочий» и велел захватить все железнодорожные объекты.

16 марта 1926 г. Г.В. Чичерин в письме Л.М. Карахану раскритиковал стиль действий А.Н. Иванова, чью политику считал в корне ошибочной, а самого директора сравнил с «царским генерал-губернатором», «бьющим по морде китайцев»⁴². Нарком выразил недоумение в связи с отсутствием у советского посла сведений о конфликте на КВЖД, заметив, что империалистические экономические методы проявляются в работе и в Маньчжурии, и в Монголии, и в Персии, и в Турции. Нигде это противоречие не выглядит таким ярким, как на КВЖД, и нигде поэтому советская политика не подвергается такой опасности. Г.В. Чичерин писал о невозможности провозглашать равноправную политику и действовать, как царские сатрапы. Он поручил Л.М. Карахану урегулировать конфликт и прекратить ущемление, зажимы и систематическое устранение китайцев от управления КВЖД⁴³.

Л.М. Карахан всегда придерживался жесткой позиции при решении вопроса о железной дороге, который лежал в основе отношений между Фэнтянем и Советским Союзом. Но на этот раз он подчинился наркому. 19 марта он направил Чжан Хуаньсяну ноту по поводу спора о транспортировке войск⁴⁴ и 21 марта встретился с японским

⁴² Там же. С. 611.

⁴³ Там же. С. 611–612.

⁴⁴ Сообщение о протесте посла СССР в Китае Л.М. Карахана 19 января 1926 г. против произвола мукденских властей на КВЖД, 22 января 1926 г. // Советско-китайские отношения 1917–1957: Сборник документов... С. 109–110.

министром Ёсидзавой Кэнкити. Л.М. Карахан подчеркнул серьезность инцидента и разъяснил позицию Советского Союза по решительной защите интересов КВЖД. Однако при этом не удержался и вновь намекнул, что при невозможности мирного урегулирования «Советский Союз прибегнет к силе» [Ду Илин, 2020: 78]. Китай, как и СССР, не желал разжигать конфликт, поэтому после ряда консультаций было достигнуто соглашение об освобождении А.Н. Иванова и восстановлении нормальной работы железной дороги.

Январский кризис на КВЖД нанес ущерб репутации СССР. Ведущие державы развернули в Китае антисоветскую и антикоммунистическую пропагандистскую деятельность, иностранная пресса в Китае открыто обсуждала вопрос о военной интервенции и просила Советский Союз отозвать своего посла [Ду Илин, 2020: 81]. В Японии маньчжурский инцидент вызвал стремление к экспансии на северо-востоке Китая, а также в Монголии и привлек внимание к проблемам советско-японских отношений. СССР мог вновь оказаться в дипломатической изоляции. Л.М. Карахан, хоть и не был стороной железнодорожного конфликта, но как руководитель советской политики в Китае был обязан следить за советским персоналом на КВЖД. Кроме того, методы ведения переговоров, выбранные им, не во всем совпадали с заявленными Советским Союзом принципами равноправия во внешней политике.

В конечном счете кризис разрешился путем мирных переговоров и не перерос в вооруженный конфликт на советско-китайской границе, однако серия споров вокруг КВЖД продолжилась. Советскому Союзу пришлось пересмотреть и скорректировать свою радикальную политику.

Разрешение вопроса о статусе Внешней Монголии

Еще одной дипломатической задачей Л.М. Карахана в рамках Соглашения 31 мая 1924 г. стало разрешение вопроса о статусе Внешней Монголии. Советские войска находились там с 1921 г., еще до монгольской революции и заключенного 5 ноября 1921 г. Договора об установлении дружественных отношений между Монголией и Россией. В политике РКП(б) и Коминтерна Монголии отводилась роль некоего плацдарма для продвижения революции в Китай и расширения сферы влияния на Востоке. Ради этого Коминтерн поддерживал национально-освободительное движение монгольских народов за независимость путем оказания помощи финансами, военными

инструкторами из числа бурятов и калмыков, а также поставками оружия и другими материальными средствами [Исторический опыт братского содружества..., 1971: 217]. Войска Красной армии остались на территории Монголии.

Советский посол оказался в сложной ситуации: с одной стороны, надо было поддерживать право Монголии на самоопределение, а с другой — не испортить отношения с Китаем перед подписанием соглашения, поскольку вопрос о Внешней Монголии для Пекина был очень чувствительным. В Москве было принято решение о признании «национальной автономии» Внешней Монголии в составе Китая. Тем временем известие о советско-китайских переговорах вызвали в Монголии внутреннее брожение. Монголы беспокоились, что СССР их предаст, выведя свои войска. Л.М. Карахан тоже полагал, что монголы никаких китайских войск у себя не допустят⁴⁵.

После подписания Соглашения 31 мая главным пунктом повестки предстоявшей конференции по монгольскому вопросу [Ду Илин, 2020: 67] оставалось присутствие советских войск на территории Внешней Монголии. Из-за этого посол неоднократно откладывал созыв конференции. В целях безопасности советских границ при возможном выводе войск он предложил своему руководству улучшить боеготовность монгольской армии. Военные специалисты, направленные летом 1924 г. в Монголию Реввоенсоветом, также подтвердили эту возможность⁴⁶. Генерал Фэн Юйсян⁴⁷, формально являвшийся начальником охраны западной границы Китая, пригласил в Чжанцзякоу (Калган) на переговоры делегацию Внешней Монголии. Л.М. Карахан поддержал идею переговоров, поскольку при достижении договоренности Фэн Юйсян не стал бы захватывать Внешнюю Монголию и обеспечил бы ей безопасность. Генерал же рассчитывал обезопасить торговые пути через Ургу (ныне — Улан-Батор) и создать плацдарм поближе к границе с Советским Союзом в расчете на его возможную помощь. Представитель монгольской

⁴⁵ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 95, 110–111, 262.

⁴⁶ Там же. С. 261–263.

⁴⁷ Фэн Юйсян — военный правитель провинции Шэньси, примыкавший к чжилийской милитаристской группировке. В октябре 1924 г. возглавил госпереворот, занял Пекин и образовал новое правительство, лояльное революционным силам Юго-Восточного Китая. Главнокомандующий Национальными армиями и командующий 1-й Национальной армией (Гоминыцзюнь).

стороны надеялся, что в соглашении будет зафиксировано признание Китаем независимости Внешней Монголии⁴⁸, но переговоры показали, что китайцы по-прежнему считали ее частью своей страны, а монголам стало понятно, что только СССР может гарантировать им самостоятельность. Провозглашенную в ноябре 1924 г. Монгольскую Народную Республику Китай также отказался признать. Для защиты независимости и безопасности МНР от Японии и различных заговоров монгольских князей с Маньчжурией по просьбе правительства МНР советские войска оставались на ее территории до марта 1925 г.⁴⁹ Вопрос об их присутствии был согласован Советским Союзом в одностороннем порядке с властями Внешней Монголии, и у Китая не было возможности вмешаться.

Таким образом, в результате подписанного 31 мая договора и дальнейших усилий СССР, Коминтерна при участии Монгольской народно-революционной партии Внешняя Монголия стала независимой от Китая. Вместе с тем потеря Китаем этой территории дала возможность китайским исследователям до настоящего времени обвинять первого посла СССР как проводника советской политики во вмешательстве во внутренние дела своей страны, разделении монгольской нации и отторжении территории Китая [Лю Ли, 2007: 28].

Представляется, что Л.М. Карахан действовал в данном вопросе как государственный, защищая интересы своей страны. Однако следует признать, что результат решения монгольского вопроса на фоне первых заявлений Советского Союза, что «все будет возвращено Китаю навсегда и бесплатно», был неоднозначен.

Роль Л.М. Карахана в заключении советско-японского соглашения

К незапланированным дипломатическим задачам Л.М. Карахана на посту посла в Китае можно отнести советско-японские переговоры. Конфликт интересов между СССР и Японией на Дальнем Востоке существовал уже давно. Не имея там другого представителя, руководство поручило Л.М. Карахану попытаться восстановить дипломатические отношения с Токио. Кроме того, ситуация касалась и Китая, так как Япония обладала заметным влиянием в Мань-

⁴⁸ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 460–461.

⁴⁹ Там же. С. 495–496.

чжурии. Но для СССР важнее всего была ситуация в Приморье и на Сахалине, где по итогам Русско-японской войны хозяйничали японцы, которые после вооруженного конфликта с партизанами ДВР в марте 1920 г. в Николаевске-на-Амуре⁵⁰ незаконно оккупировали Северный Сахалин. Л.М. Карахан решил перенести советско-японские переговоры в Пекин.

В качестве предложения для налаживания контактов с посланником Японии Ёсидзавой Кэнкити он от имени советского правительства предложил оказать Токио гуманитарную помощь после разрушительного землетрясения в Иокогаме 1 сентября 1923 г. Но японские власти отказались принять гуманитарную помощь от СССР. Тогда Л.М. Карахан предложил более выгодный для Японии вариант: предоставить помощь Иокогаме в виде закупок леса по себестоимости (или выделить делянки для самовывоза заготовленного леса), а также выделить рыболовные участки в водах СССР. Японский посланник сообщил это предложение своему кабинету министров, что запустило в стране процесс обсуждения вопроса о нормализации отношений с СССР⁵¹. Только после этого Л.М. Карахан предложил начать переговоры о восстановлении добрососедских советско-японских отношений.

В течение трех месяцев вопрос о переговорах не двигался с места. Одновременно японцы, пользуясь слабостью советской администрации на побережье в Камчатском и Охотском районах и в Приморье, вели себя, по выражению Л.М. Карахана, «невозможно нахально». Они похищали имущество, снимали советские фарватерные знаки, грабили природные богатства России. Кроме того, они поставили оружие сепаратистам в якутской области, выступавшим под лозунгом независимости Якутии и Тунгузии под протекторатом Японии⁵².

Несмотря на это, советское руководство официально направило ноту японскому правительству, повторив предложение о рыбо-

⁵⁰ Николаевский инцидент — расправа над японскими войсками и жителями 23–31 мая 1920 г. после вооруженного конфликта между партизанами и частями японской армии в марте 1920 г. в Николаевске-на-Амуре.

⁵¹ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 91.

⁵² Тунгусская республика — непризнанное государство, образованное на территории Охотского края, Якутской АССР, а также Хабаровского края в период с июля 1924 по май 1925 г. См. подробнее: Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 123–124, 495.

ловных и лесных участках в виде помощи японскому народу с 75% скидкой⁵³, но ответа не последовало. Вследствие отсутствия какой-либо информации в Китае и тем более в Москве Л.М. Карахан попросил руководство СССР повторить ноту Японии с намеком на незначительность помех для развития двусторонних отношений⁵⁴. Этот шаг и подписание советско-китайского Соглашения 31 мая принесли свои плоды: в Пекине 14 мая 1924 г. начались советско-японские переговоры.

В качестве предварительного условия Л.М. Карахан выдвинул требование вывести японские войска с о. Сахалин и признать СССР⁵⁵. В ходе переговоров выяснилось, что главным для Японии является вопрос о Северном Сахалине: страна закупала 90% нефтепродуктов в США, поэтому была крайне заинтересована в сахалинских месторождениях нефти. Японцы вложили большие деньги в геологоразведку и добычу топлива и боялись всё потерять с выводом своих войск. Спорные проблемы и свои предложения Л.М. Карахан согласовывал с Г.В. Чичериным, который передавал их в специальную комиссию. И.В. Сталин, с которым советский посол был на «ты», напутствовал: «Не верь японским дипломатам ни на секунду: самая вероломная публика. Верь фактам...»⁵⁶.

Следуя этим напутствиям, в ходе очередного раунда переговоров в августе 1924 г. Л.М. Карахан отклонил невыгодный для СССР японский проект договора, не опасаясь, что Токио выйдет из переговорного процесса. Отстаивая интересы страны, он дрался за каждый процент добычи нефти и клочок территорий геологоразведки: «Моя точка зрения была не уступать японцам, ибо в будущем году они пришли бы к нам на поклон»⁵⁷. Однако в том же году позиция советского руководства резко изменилась: ради немедленного вывода японских войск с Сахалина и установления дипломатических отношений оно согласилось на многие японские условия, поэтому, когда в декабре 1924 г. переговоры с Японией застопорились, Москва указала Л.М. Карахану, что цепляться за какие-то «мелочи» (речь шла об уступке 45–50% месторождений нефти и угля!) — это не-

⁵³ Там же. С. 125.

⁵⁴ Там же. С. 128.

⁵⁵ Там же. С. 202.

⁵⁶ Там же. С. 236.

⁵⁷ Там же. С. 419.

простительный срыв решений ЦК РКП(б)⁵⁸. В итоге, несмотря на жульнические попытки японцев при переписывании набело текста соглашения внести изменения в свою пользу, Л.М. Карахан в январе 1925 г. подписал советско-японскую Конвенцию об установлении дипломатических отношений, а также ряд деклараций, регулирующих взаимодействие сторон⁵⁹. Согласно Конвенции Япония обязалась вывести с о. Сахалин свои войска. Так Л.М. Карахан «свалил с плеч» японское соглашение, за что получил от И.В. Сталина звание «победителя китайских, японских и прочая и прочая контрреволюционеров»⁶⁰.

Участие Л.М. Карахана в помощи китайской национальной революции

Параллельно с дипломатическими боями Л.М. Карахан занимался второй составляющей двуединой задачи — поддержкой национального революционного движения в Китае. Коминтерн, остановив свой выбор на правительстве в Кантоне (Гуанчжоу) во главе с лидером Гоминьдана Сунь Ятсеном, придал толчок сближению КПК и Гоминьдана. Ключевые решения о союзе Гоминьдана и КПК в национальной революции принимались Коминтерном по предложению работавших в Китае советских представителей. Помимо известных положений II Конгресса Коминтерна о союзниках пролетариата в революционной борьбе стоит указать, в частности, на директиву ИККИ от 6 января 1923 г. и директивы III съезда КПК от 23 мая 1923 г. о необходимости создания единого фронта и работе Компартии с Гоминьданом⁶¹. Л.М. Карахану как члену первого состава Исполкома Коминтерна и опытному революционеру поручили руководить этим коминтерновским проектом в Китае.

Принципиальное одобрение плана создания революционной армии и базы в Китае и решение о возможности оказать поддержку Сунь Ятсену примерно в 2 млн мексиканских долларов (около 2 млн

⁵⁸ Там же. С. 421.

⁵⁹ Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, Пекин, 20 января 1925 г. // Президентская библиотека. Доступ: <https://www.prlib.ru/item/337144> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 440.

⁶¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 172–176, 227–229.

рублей) было принято на заседании Политбюро 8 марта 1923 г. Надо понимать, что подразумевалась прежде всего военная помощь. В решении говорилось о готовности Советского Союза предоставить Сунь Ятсену вооружение и технику, создать военную школу, помочь построить армию⁶². Подробно намечались обязанности Л.М. Карахана на месте: определить формы помощи, составить план работ и распределения денежного кредита, а также руководить направляемой в Кантон группой политических и военных советников. 2 августа 1923 г. политическим советником Сунь Ятсена Политбюро ЦК назначило М.М. Бородина и направило его в Китай вместе с Л.М. Караханом⁶³. М.М. Бородин был обязан соотносить свою деятельность с советским послом и через него связываться с Москвой. Когда в 1923–1924 гг. на юг Китая начали прибывать военные советники, именно Л.М. Карахан выступил в качестве их руководителя, направляя и инструктируя новоприбывших. В этой роли он добивался от руководства снабжения Сунь Ятсена оружием, чтобы «не выпустить из рук Гуандун». При этом сам Сунь Ятсен строил грандиозные военные планы и надеялся, что Советский Союз поможет ему выбить Чжан Цзолиня, захватившего Пекин, и образовать общенациональное правительство [Ду Илин, 2020: 6]. Это настораживало советское руководство, тем не менее в ноябре Реввоенсовет СССР утвердил план по созданию на юге офицерской школы (академии). Под руководством Л.М. Карахана М.М. Бородин сначала реорганизовал ЦИК Гоминьдана, а затем начал создание «настоящей современной партии». Но обещанная финансовая помощь задерживалась. Л.М. Карахан в очередном письме Г.В. Чичерину от 17 декабря 1923 г. просил советское руководство обратить серьезное внимание на помощь оружием и открытие необходимых кредитов для работы с Сунь Ятсеном⁶⁴. Подобные просьбы повторялись в течение всего 1924 г.⁶⁵, однако долгое время оставались без ответа. Коминтерн колебался, считая, что Сунь Ятсен склоняется к правому крылу Гоминьдана, а это не вселяло оптимизма. Л.М. Карахан как мог защищал Сунь Ятсена, заверяя руководство в его полной

⁶² Там же. С. 206.

⁶³ Там же. С. 240.

⁶⁴ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 136.

⁶⁵ Там же. С. 154, 164, 172–173, 376, 400.

лояльности⁶⁶. Одновременно он всеми силами помогал развитию 30-миллионного Гуандуна, который мог стать единственной базой национально-революционного движения в Китае⁶⁷. Л.М. Карахан считал, что непростительно тормозить работу из-за нехватки средств: «Иначе мы провалим все дело, так хорошо начатое...»⁶⁸. Его шифротелеграмму от 30 ноября со срочной просьбой помочь Сунь Ятсену Г.В. Чичерин цитировал на Политбюро⁶⁹. С подобными просьбами Л.М. Карахан обращался и к И.В. Сталину⁷⁰.

Частично удовлетворить просьбу Л.М. Карахана о помощи Сунь Ятсену Политбюро ЦК решило 24 января 1924 г., предоставив ему 500 тыс. золотых рублей⁷¹, а затем в марте поручив наркомвоенмору М.В. Фрунзе выделить средства по смете, предложенной советским послом: вместо трат подавляющей части ассигнований на закупку оружия отпустить 500 тыс. юаней на первое полугодие на создание военной академии и еще 100 тыс. рублей — на политическую работу, а оружие предоставить бесплатно⁷². Когда 5 мая начала работать Военная академия Вампу, СССР дополнительно направил в Кантон группу военных советников и предоставил 2 млн рублей [Ду Илин, 2020: 61]. И.В. Сталин убеждал Л.М. Карахана, что Москва «не будет скупиться», пока реально идет работа⁷³. Эта помощь, оказанная Советским Союзом, имела большое значение для ликвидации реакционных сил в Гуандуне и реорганизации революционной армии.

Одновременно в условиях очередного витка войн между группировками милитаристов Л.М. Карахан искал возможных союзников для единого фронта с Гоминьданом среди различных сил, исходя из их военного и политического влияния, и давал Москве свои рекомендации. Местные группировки и сами начали связываться с Л.М. Караханом. Сначала к нему обратился генерал Ху Цзинъи, часть солдат которого являлись членами Гоминьдана и КПК. Ху Цзинъи пригласил советского посла в конце декабря 1924 г. посетить

⁶⁶ Там же. С. 162, 165.

⁶⁷ Там же. С. 132–134, 157.

⁶⁸ Там же. С. 136.

⁶⁹ Там же. С. 134.

⁷⁰ Там же. С. 156–159, 429, 477–478.

⁷¹ Там же. С. 363.

⁷² ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 132, 363, 442–443.

⁷³ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 474, 496.

свой базовый лагерь в Кайфэне. Л.М. Карахан, узнав о просьбе Ху Цзинъи о помощи, предложил московскому руководству помочь генералу, исходя из трех соображений: 1) поддержать силы, которые не позволят Чжан Цзолиню стать диктатором в Северном Китае; 2) помочь генералам, которые на севере поддерживают Гоминьдан; 3) при благоприятных условиях создать в Ханькоу политическую и военную революционную базу. Генерал Ху Цзинъи просил также прислать советских военных советников в Национальную армию [Ду Илинъ, 2020: 63]. Его армия в январе 1925 г. вошла в Хэнань и установила контроль над этой провинцией.

Близкий к Гоминьдану Фэн Юйсян был еще одним генералом Национальной армии, который искал поддержку у Советского Союза. Он совершил переворот в Пекине и, как выяснил Л.М. Карахан, рассчитывал использовать Внутреннюю Монголию в качестве базы для расширения своих войск. Анализируя разведданные и военный потенциал генералов Юэ Вэйсюня, Сунь Юэ и др., Л.М. Карахан отметил, что рост их влияния пойдет на пользу Гоминьдану. Он рекомендовал советскому руководству оказать им поддержку в борьбе с Чжан Цзолинем, находившимся под сильным влиянием Японии.

Предложения Л.М. Карахана были заслушаны на Политбюро. В марте 1925 г. было признано целесообразным создать две военные школы — в Лояне и Чжанцзякоу и сформировать военно-инструкторские группы, вооружить всех сочувствующих Гоминьдану, передав в распоряжение Л.М. Карахана оружие и боеприпасы (2000 японских винтовок, 2000 немецких винтовок и соответствующее количество патронов) для безвозмездной помощи Национальной армии на начальном этапе⁷⁴. Посол, узнав о решении Москвы, написал И.В. Сталину: «Кантонский опыт убедил меня абсолютно, какие возможности имеются в Китае и как широко мы их можем использовать»⁷⁵. Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б), созданная для усиления эффективности работы в Китае и для определения сумм и смет на военно-политическую работу, 17 апреля приняла

⁷⁴ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 528–529.

⁷⁵ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 477.

решение оказать платную помощь вооружением и снаряжением генералам, которых рекомендовал Л.М. Карахан⁷⁶.

Вслед за событиями 30 мая 1925 г.⁷⁷ в Китае началось массовое антиимпериалистическое движение, переросшее в национальную революцию. На подъеме революционного движения в страну в течение всего 1925 г. из СССР через руки Л.М. Карахана шел огромный поток денег, оружия, направлялись военные специалисты.

Задачей посла в это время было подтолкнуть Национальную армию севера к сотрудничеству с Национально-революционной армией (НРА) Гоминьдана в интересах антиимпериалистической революции. Советский Союз по опыту Гуанчжоу проводил политическую работу в Национальной армии. В мае 1925 г. к Фэн Юйсяну в Чжанцзякоу прибыла консультативная группа военных советников во главе с В.К. Путной. Однако Фэн Юйсян не доверял советникам из СССР, а В.К. Путна сомневался в правильности оценки Л.М. Караханом политической позиции лидера Национальной армии. Тем не менее по указанию советского посла консультативная группа делала всё возможное, чтобы помочь Национальной армии Фэн Юйсяна создать военную школу и подготовиться к будущей конфронтации с Чжан Цзолинем.

Л.М. Карахан считал, что Фэн Юйсян играет важную роль в Северном Китае и необходимо обеспечить его всем необходимым. Что касается военной помощи, то И.В. Сталин писал Л.М. Карахану: «Москва не будет скупиться, лишь бы дело шло по-настоящему, но в известных пределах»⁷⁸. Воодушевленный обещанной помощью Фэн Юйсян 17 сентября 1925 г. официально объявил, что вся Национальная армия присоединится к Гоминьдану и поддержит Северную экспедицию⁷⁹ правительства Гуанчжоу. После этого Национальная армия вошла в провинции Ганьсу и Шэньси [Ду Илин, 2020: 72]. Однако общие успехи армии Фэн Юйсяна были незначительны.

⁷⁶ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 528–529, 547.

⁷⁷ 30 мая 1925 г. произошел расстрел иностранной полицией международного селтльмента студенческой демонстрации в Шанхае, послуживший началом революции 1925–1927 гг. в Китае.

⁷⁸ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 525–526.

⁷⁹ Военный поход НРА Гоминьдана в союзе с коммунистами под руководством генерала Чан Кайши на север Китая для объединения страны военным путем.

На основании поступавших из Китая материалов глава Китайской комиссии Политбюро М.В. Фрунзе пришел к выводу, что более перспективным является генерал У Пэйфу. Кроме того, у советского руководства, в частности у М.В. Фрунзе, появились пессимистичные соображения о необходимости скорректировать масштабы помощи, поскольку предложенный Л.М. Караханом и М.М. Бородиным план содержал, по его мнению, «астрономическую сумму», совершенно превосходящую возможности Советского Союза. К тому же был риск, что «тайные отношения» с Фэн Юйсяном будут раскрыты и это приведет к давлению со стороны крупных держав⁸⁰. Тем не менее Советский Союз продолжил поставлять Фэн Юйсяну всё больше оружия и техники, превышая объем помощи Гоминьдану на юге. Интенсивность инвестиций показывает, насколько большое значение СССР придавал борьбе с прояпонски настроенным Чжан Цзолинем на севере.

Вследствие реальной экономической ситуации Советский Союз не смог предоставить дополнительную помощь Фэн Юйсяну. Национальные армии на севере страны отступили под натиском вооруженных сил Чжан Цзолиня и У Пэйфу. Пришлось СССР распрощаться с идеей создания второй революционной базы в Китае.

Ситуация на севере ухудшилась после январского 1926 г. конфликта на КВЖД. Иностранные газеты, издаваемые в Китае, открыто обсуждали вопрос о необходимости военной интервенции великих держав, а также требовали отозвать из Китая советского посла. Болезненный удар по революционным силам и советской политике в стране 20 марта 1926 г. нанес Чан Кайши, арестовав представителей левого крыла Гоминьдана. Это стало полной неожиданностью как для московского руководства, так и для КПК. В такой неблагоприятной ситуации Советский Союз должен был защитить и свою безопасность, и интересы китайской революции от уничтожения империалистами, поэтому Москве пришлось пересмотреть свою наступательную политику и сделать «передышку» [Ду Илин, 2020: 81].

Что касается революционной ситуации в Гуанчжоу, то особое заседание Политбюро ЦК РКП(б) 1 апреля 1926 г. решило, что его правительство на данном этапе должно сосредоточиться на внутренней консолидации и отказаться от идеи проведения наступательных

⁸⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 537.

военных экспедиций, которые могут побудить империалистов встать на путь военной интервенции. Еще в конце 1925 г. И.В. Сталин указывал на заседании Политбюро ЦК: «Предполагаемый поход кантонцев на Север в данный момент считать недопустимым»⁸¹. Руководство СССР считало, что Северный поход приведет к потере революционной базы в Гуанчжоу и нанесению ущерба основным силам китайской национальной революции. На этом же совещании Политбюро в связи с требованием некоторых сил в Китае отозвать Л.М. Карахана было принято решение организовать в Китае и других странах кампанию в защиту советского посла.

В отличие от Северного Китая, где наступала реакция, в Гуандуне Гоминьдан и КПК, поддержанные большинством советских представителей, пришли к согласию по вопросу подготовки военно-революционного Северного похода. В отличие от московского руководства, Л.М. Карахан поддерживал эту идею, так как считал, что это позволит достичь «конечной цели» — создать в Китае «революционное и мощное национальное правительство». На встрече с комиссией А.С. Бубнова (Ивановского), направленной в Китай Политбюро ЦК РКП(б) для изучения сложившейся ситуации, посол заявил, что «влияние империализма в Китае сократилось до минимума», а правые активизировались потому, что почувствовали серьезную угрозу [Ду Илин, 2020: 82]. Комиссия А.С. Бубнова была согласна с Л.М. Караханом, заявляя: «Национальная революция на Юге Китая не может топтаться на месте, <...> не может не двигаться вперед»⁸². Однако в связи с событиями 20 марта 1926 г. комиссия предложила «сделать уступки, чтобы выиграть время». Политбюро ЦК РКП(б) и Л.М. Карахан в течение первой половины апреля обменялись телеграммами. Советское руководство настаивало на недопустимости захвата новых территорий, а также на сосредоточении и консолидации сил в Гуандуне. Л.М. Карахан возражал, считая возможным «мирное завоевание» провинции Хунань. Особое совещание Политбюро ЦК 15 апреля постановило направить Л.М. Карахану телеграмму о необходимости неукоснительно со-

⁸¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 666.

⁸² ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. II: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926–1927: В 2 ч. Ч. 1: Документы / Ред. колл.: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер [и др.]. М.: Буклет, 1996. С. 144–145.

блюдают распоряжение ЦК⁸³. Но ни указания Москвы, ни попытки посла его выполнить не могли остановить Северный поход. 9 июля правительство Гуанчжоу привело к присяге участников Северной экспедиции. Чан Кайши объявил о своем назначении ее главнокомандующим [Ду Илин, 2020: 84]. Л.М. Карахан в это время сообщил наркому Г.В. Чичерину: «...нельзя обольщаться, что, приняв решение в Москве, мы можем заставить Кантон в точности выполнить это решение»⁸⁴. Посол не сомневался: его обвинят в том, что он «не принял достаточных мер для предотвращения Северной экспедиции Гуанчжоу». Он жаловался И.В. Сталину, что ему очень трудно иметь дело с китайскими генералами, армии которых не объединяются, а продолжают нападать друг на друга: «...руль выпал из моих рук, и я фактически не могу нести сейчас ответственность»⁸⁵.

Тем временем в Москве зрело недовольство деятельностью Л.М. Карахана. Если раньше Политбюро ЦК РКП(б) требовало организовать кампанию в защиту советского посла, то теперь ситуация изменилась. Этому способствовали решительные действия Чжан Цзолиня и других противников Л.М. Карахана в Китае. Чжан Цзолинь был недоволен высокомерным поведением посла на переговорах в 1923 г., а также его тактикой во время январского конфликта на КВЖД. Не осталась незамеченной и помощь Л.М. Карахана генералам Национальных армий в вооружении. Чжан Цзолинь решил избавиться от посла дипломатическим путем. Последовало несколько его устных заявлений о вмешательстве Л.М. Карахана во внутренние дела Китая, а затем он потребовал от Министерства иностранных дел направить официальную ноту с просьбой об отзыве Л.М. Карахана. Он предупредил: «Если его не отстранят, Фэнтянь не будет нести ответственность за защиту посла после вступления войск в Пекин» [Ду Илин, 2020: 85]. Чжан Цзолинь стал инициатором «антикрасной» политики по всему Китаю.

Руководство ЦК РКП(б) и советское правительство расценили требование МИД Китая как потенциально серьезный удар по советско-китайским отношениям и политике Советского Союза в стране. Л.М. Карахан был отозван из Китая «в отпуск». 10 сентября 1926 г. он покинул Пекин и больше в Китай не вернулся. Задним числом,

⁸³ Там же. С. 163–164, 172–174.

⁸⁴ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 684.

⁸⁵ Там же. С. 592.

14 октября 1926 г., ЦК принял решение признать необходимым формальный отзыв посла.

Л.М. Карахан, являясь проводником советской политики в Китае, приложил много усилий для развития китайской революции, сыграл значительную роль в выявлении и сплочении национальных революционных сил. Вместе с тем он был ответствен и за допущенные промахи в реализации политики РКП(б) и Коминтерна в Китае. Обладая целой «разведывательной сетью» военных советников, Л.М. Карахан пропустил инцидент 20 марта 1926 г. Имея прямое указание ЦК умерить пыл и скорректировать наступательную политику для «передышки», посол поддерживал планы вооруженного похода кантонцев в Хунань, не смог остановить Северную экспедицию НРА. Недаром И.В. Сталин отозвался о Л.М. Карахане осенью 1926 г.: «Он изжил себя, ибо он был и остался полпредом первой стадии китайской революции и совершенно негоден как руководитель в нынешней новой обстановке, китайской и международной, как руководитель при новых событиях, которых он не понимает и не поймет самостоятельно...»⁸⁶.

В Москве Л.М. Карахана вновь назначили заместителем наркома иностранных дел, он курировал страны Латинской Америки, Азии, Африки, Нидерланды и Швейцарию. В 1934 г. Л.М. Карахан отправился в должности полпреда СССР в Турции. Весной 1937 г. под предлогом нового назначения в США его отозвали на родину. 3 мая Л.М. Карахана арестовали «за участие в антисоветском заговоре». 20 сентября 1937 г. его приговорили к высшей мере наказания. В тот же день он был расстрелян. 12 декабря 1956 г. Л.М. Карахан был полностью реабилитирован.

* * *

Исследование значительного количества документов и материалов показало, что Л.М. Карахан сыграл заметную роль в формировании и реализации политики СССР в Китае. Его деятельность в этой стране была очень результативной. Благодаря дипломатическому умению Л.М. Карахану удалось в течение неполных 3 лет решить задачи, поставленные ему советским руководством: от признания СССР Китаем и Японией до определения принадлежности КВЖД

⁸⁶ Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, 23 сентября 1926 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь: Северная корона, 2004. С. 252–253.

и статуса Монголии. Он стал ключевой фигурой в регулировании потоков советской помощи китайскому революционному движению. Ему удалось уладить многие имущественные споры и вернуть советскую собственность в Китае. Действуя под руководством наркома Г.В. Чичерина, Л.М. Карахан не был просто передатчиком московских решений. Являясь «глазами и ушами» советского правительства, сам Л.М. Карахан находился внутри системы принятия решений по Китаю, активно влиял на формирование и реализацию китайской политики СССР. Инициированные им предложения и рекомендации заслушивались и принимались на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б), что свидетельствовало о глубоком доверии к полпреду. Л.М. Карахан, безусловно, обыграл китайских дипломатов. Однако его дипломатические методы и приемы были неоднозначны. Легко лавируя во враждебном окружении дипработников ведущих держав, он удачно использовал собранную информацию, силу прессы и общественного мнения, а также элементы народной дипломатии, апеллируя к народу Китая. Вместе с тем, придерживаясь прагматичной стратегии в дипломатии, Л.М. Карахан применял шантаж, давление и военные угрозы, что не соответствовало принципам равноправия во внешней политике, провозглашенным советским правительством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: ИЦ Белорусского государственного университета, 1999.
2. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения, 1945–1980. М.: Мысль, 1980.
3. Ван Вэньфэн. Сулянь цзаоци юаньдун чжэнце шупин [Обзор ранней советской политики на Дальнем Востоке] // Цзинань дасюэ сюэбао. 2003. № 6. С. 34–37. (На кит. яз.)
4. Ван Дун. 20 шицзи 20 няньдай «бу пиндэн тяююэ» коухао чжи цзянь-тао [Обзор лозунга «неравных договоров» в 1920-е годы] // Шисюэ юэкань. 2002. № 5. С. 60–67. (На кит. яз.)
5. Волкова И.В. К вопросу о статусе Внешней Монголии в советско-китайских отношениях 1921–1924 гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: Сборник материалов VIII Всероссийской научной конференции, Самара, 30 апреля 2020 г. / Отв. ред. А.В. Сквозников. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 24–31.

6. Герасимов Д.И. Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на дальневосточном направлении СССР (1918 — начало 1930-х годов): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2024.

7. Герасимов Д.И. Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2022. Т. 1. № 5. С. 14–32. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.5.38944.

8. Герасимов Д.И. Советско-китайские отношения в 1919–1924 гг.: формирование дальневосточного узла противоречий // Человеческий капитал. 2022. № 7 (163). С. 11–22. DOI: 10.25629/НС.2022.07.01.

9. Герасимов Д.И. Фактор государства Маньчжоу-Го в советско-японских отношениях в 1931–1935 гг. // Человеческий капитал. 2023. № 4 (172). С. 36–47. DOI: 10.25629/НС.2023.04.04.

10. Дацышен В.Г. «Конфликт на КВЖД 1926 г.» и «конфликт на КВЖД 1929 г.»: сравнительно-исторический анализ советской политики // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 4. С. 67–82. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10005.

11. Ду Илинъ. Цзялахань цзай сулянь дуй хуа чжэнцэ чжун дэ цзоюн юй инсян яньцзю (1923–1926) [Исследование роли и влияния Карахана в политике Советского Союза в Китае (1923–1926)]. Хаэрбинь: Хэйлунцзян дасюэ, 2020. (На кит. яз.)

12. Жэнь Цзяньшю. 20 няньдай чу лянъ гун дуй хуа чжэнцэ дэ чжидин [Формулирование политики Коммунистической партии Советского Союза в Китае в начале 1920-х годов] // Шанхай синчжэн сюэюань сюэбао. 2001. № 1. С. 21–27. (На кит. яз.)

13. Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм / Ред. колл.: Б. Балдо [и др.]. М.: Политиздат, 1971.

14. Капица М.С. Лев Карахан (1899–1937) // Видные советские коммунисты — участники китайской революции / Отв. ред. Г.В. Астафьев. М.: Наука, 1970. С. 5–21.

15. Картунова А.И. Новая волна интереса историков к проблемам китайской революции 1925–1927 гг. и необоснованная попытка предать ее забвению // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 1. С. 437–456.

16. Картунова А.И. Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925–1927 гг. М.: Наука, 1983.

17. Картунова А.И. Роль Г.В. Чичерина в китайской политике Советской России // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 77–96.

18. Крюков М.В. К вопросу о разночтениях в тексте «Декларации Карахана» 1919 г. (опыт текстологического анализа) // Общество и государство в Китае. 2010. Т. 40. № 1. С. 222–238.

19. Лилюян Г.Ц. Выдающийся советский дипломат (к 100-летию со дня рождения Л.М. Карахана) // Историко-филологический журнал. 1989. № 1. С. 3–11. (На арм. яз.)

20. Ло Сяохуэй. Лунь 1924 нянь чжун су вайцзяо гуаньси дэ цзяньли [Об установлении советско-китайских дипломатических отношений в 1924 г.] // Чжучжоу шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюэбао. 2002. № 3. С. 55–59. (На кит. яз.)

21. Лузянин С.Г. Взаимоотношения России, Монголии и Китая в первой половине XX в.: проблемы, выводы и оценки // Дальний Восток России — Северо-Восток Китая. Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 101–103.

22. Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925–1927 гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 1. С. 65–75.

23. Лузянин С.Г. Монголия, которую мы потеряли // Азия и Африка сегодня. 1994. № 6. С. 35–36.

24. Лузянин С.Г. Монголия: между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 71–84.

25. Лу Цзяньхун. Су э юй бэйян чжэнфу дэ цзяньцзяо шимо [Начало и конец установления дипломатических отношений между Советской Россией и пекинским правительством] // Миньго дан ань. 1994. № 4. С. 73–77. (На кит. яз.)

26. Лю Ли. Цзя ла хань дуй хуа ходун шупин [Обзор деятельности Карахана в Китае]. Синань цзяотун дасюэ, 2007. (На кит. яз.)

27. Лю Цзинчжун. Су э чжаньлин вай мэngu цзи дуй хуа вайцзяо ходун [Оккупация Советской Россией Внешней Монголии и дипломатическая деятельность в отношении Китая] // Шисюэ юэкань. 2004. № 2. С. 70–77. (На кит. яз.)

28. Лю Цзяньмэй. Цзялахань чжун су гуаньси шишан сюаньбу фэйчу дуй хуа бу пиндэн тяоюэ дэ бяочжи син жэньу [Карахан — знаковая фигура в истории советско-китайских отношений, заявившая об отмене неравноправного договора с Китаем]. Дан ши бо цай (шан), 2020. (На кит. яз.)

29. Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н. Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920–1922 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 3 (57). С. 17–26.

30. Соколов В.В. На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М.: Политиздат, 1983.

31. Соколов В.В. Полпред в Китае Лев Карахан // Открывая новые страницы. ...: Международные вопросы: события и люди / Сост. Н.В. Попов. М.: Политиздат, 1989.

32. Соколов В.В. Страницы жизни и деятельности Л.М. Карахана // Новая и Новейшая история. 1978. № 3. С. 90–103.

33. Соколов В.В. Страницы жизни и деятельности Л.М. Карахана // Новая и Новейшая история. 1978. № 4. С. 103–112.

34. Соколов В.В. Страницы жизни и деятельности Л.М. Карахана // Новая и Новейшая история. 1978. № 5. С. 116–127.

35. Сопельняк Б.Н. Тайны русской дипломатии. М.: Вече, 2015.
36. Сунь Цайшунь. Пин чжун су цзаоци вай мэngu вэньти чжи цзяошэ [Комментарий к первым китайско-советским переговорам по вопросу Внешней Монголии] // Хуайбэй мэй ши юань сюэбао. 1997. № 1. С. 6–10. (На кит. яз.)
37. Су э ди и цы дуй хуа сюаньянь дуй чжун су гуаньси дэ ин сян (Ху Цзишэнь и) [Влияние Первой декларации Советской России по Китаю на советско-китайские отношения. Пер. Ху Цзишэня] // Данши яньцзю юй цзяосюэ. 1988. № 5. С. 77–78. (На кит. яз.)
38. Сюэ Жуйхань. Цунчжун су цзецзюэ сюаньянь даган седин дэ цянъдин кань су э цзаоци дуй хуа чжэнце [Взгляд на раннюю политику Советской России в отношении Китая с момента подписания общего соглашения об урегулировании неурегулированных дел между Китаем и Советским Союзом] // Лиши цзяосюэ. 2003. № 2. С. 44–46. (На кит. яз.)
39. Тянь Баого. Миньго шици чжун су гуаньси (1917–1949) [Китайско-советские отношения во времена Китайской Республики (1917–1949)]. Цзинань чубаньшэ, 1999. (На кит. яз.)
40. У Мэнсюэ. Цзялахань ши хуа хэ цзю вайцзю туань дэ цзети бэйцзин — чжэнфу хоуци дэ и чан вайцзю цзюэчжу [Миссия Карахана в Китае и распад старого дипломатического корпуса — дипломатическое соревнование в поздний период правления пекинского правительства] // Цзиньдай ши яньцзю. 1993. № 2. С. 169–181. (На кит. яз.)
41. У Юанькан. 1925 няньди чжунгун юй гоминьдан юпай таньпань юаньбинь бяньси [Анализ причин переговоров между КПК и правыми гоминьдановцами в конце 1925 г.] // Хэфэй сюэюань сюэбао. 2006. № 2. С. 51–54. (На кит. яз.)
42. Хуан Динтянь. Цунчжун су седин дао су жи седин и 1924 нянь цянъхоу сулянь дэ дуй хуа дуй жи вайцзю [От советско-китайского соглашения к советско-японскому соглашению. Отношения Советского Союза с Китаем и Японией около 1924 г.] // Сюэшу цзяолю. 2004. № 3. С. 157–162. (На кит. яз.)
43. Хуан Цзилян. Цзялахань и вайго пайчжу чжунго дэ ди и жэнь да ши [Карахан — первый иностранный посол в Китае] // Лиши цзяосюэ. 1982. № 8. С. 43–44. Доступ: <http://jds.cssn.cn/webpic/web/jdsww/UploadFiles/ztsjk/2010/11/201011181341001397.pdf> (дата обращения: 15.09.2024). (На кит. яз.)
44. Чжао Вэньлян, Ху Сиюань. Цзялахань юй сулянь цзао ци дуйхуа вайцзю [Карахан и ранняя китайская дипломатия Советского Союза]. Хэнань шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань), 1999. (На кит. яз.)
45. Чжоу Хай. Чжун э седин ши су э вайцзюэцзянь дэ чаньбу [Китайско-российское соглашение — продукт советско-российской дипломатической практики] // Ляонин ши чжуань сюэбао. 2005. № 5. С. 135–136. (На кит. яз.)
46. Ян Куйсун. Дагэмин цянъци дэ гогун гуаньси юй гунчань гоцзи [Отношения между Гоминьданом, КПК и Коминтерном в ранний период Великой революции] // Вэнь ши чжэ. 1990. № 6. С. 48–55. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Ablova N.E. 1999. *Istoriya KVZhD i rossiiskoi emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX v.)* [The history of the CER and Russian emigration in China (the first half of the 20th century)]. Minsk, ITs Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russ.)
2. Borisov O.B., Koloskov B.T. 1980. *Sovetsko-kitaiskie otnosheniya, 1945–1980* [Soviet-Chinese relations, 1945–1980]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
3. Van Ven'fen. 2003. Sulyan' tszaotsi yuan'dun chzhentse shupin [An overview of the early Soviet policy in the Far East]. *Tszinan' dasyue syuebao*, no. 6, pp. 34–37. (In Chinese.)
4. Van Dun. 2002. 20 shitszi 20 nyan'dai 'bu pinden tyao Yue' koukhao chzhi tszyan'tao [An overview of the slogan of 'unequal treaties' in the 1920s]. *Shisyue yuekan'*, no. 5, pp. 60–67. (In Chinese.)
5. Volkova I.V. 2020. K voprosu o statuse Vneshnei Mongolii v sovetsko-kitaiskikh otnosheniyakh 1921–1924 gg. [On the status of Outer Mongolia in Soviet-Chinese relations in 1921–1924]. In: Skvoznikov A.V. (ed.). *Vneshne-politicheskie interesy Rossii: Istoriya i sovremennost': Sbornik materialov VIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Samara, 30 aprelya 2020 g.* [Russia's Foreign Policy Interests: History and Modernity: Proceedings of the 8th All-Russian Scientific Conference, Samara, April 30, 2020]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., pp. 24–31. (In Russ.)
6. Gerasimov D.I. 2024. *Diplomaticheskaya deyatel'nost' L.M. Karakhana na dal'nevostochnom napravlenii SSSR (1918 — nachalo 1930-kh godov)* [Diplomatic activities of L.M. Karakhan in the Far Eastern direction of the USSR (1918 — early 1930s)]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
7. Gerasimov D.I. 2022a. Mezhdue Gomin'danom i KPK: politika Sovetskogo gosudarstva v Kitae (1918–1927 gg.) [Between the Kuomintang and the CPC: The policy of the Soviet state in China (1918–1927)]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, vol. 1, no. 5, pp. 14–32. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.5.38944. (In Russ.)
8. Gerasimov D.I. 2022b. Sovetsko-kitaiskie otnosheniya v 1919–1924 gg.: formirovanie dal'nevostochnogo uzla protivorechii [Soviet-Chinese relations in 1919–1924: Formation of the Far Eastern knot of contradictions]. *Human Capital*, no. 7 (163), pp. 11–22. DOI: 10.25629/HC.2022.07.01. (In Russ.)
9. Gerasimov D.I. 2023. Faktor gosudarstva Man'chzhou-Go v sovetsko-yaponskikh otnosheniyakh v 1931–1935 gg. [The factor of the state of Manchougo in Soviet-Japanese relations in 1931–1935]. *Human Capital*, no. 4 (172), pp. 36–47. DOI: 10.25629/HC.2023.04.04. (In Russ.)
10. Datsyshen V.G. 2018. 'Konflikt na KVZhD 1926 g.' i 'konflikt na KVZhD 1929 g.': sravnitel'no-istoricheskii analiz sovetskoi politiki ['The conflict on the CER in 1926' and 'the conflict on the CER in 1929': Comparative politics].

Comparative Politics Russia, vol. 9, no. 4, pp. 67–82. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10005. (In Russ.)

11. Du Ilin'. 2020. *Tszyalakhan' tszai sulyan' dui khua chzhentse chzhun de tszoyun yui insyan yan'tszyu (1923–1926)* [A study of the role and influence of Karakhan in the policy of the Soviet Union in China (1923–1926)]. Khaerbin', Kheiluntszyan dasyue Publ. (In Chinese.)

12. Zhen' Tszyan'shu. 2001. 20 nyan'dai chu lyan' gun dui khua chzhentse de chzhidin [Formulation of the policy of the Communist Party of the Soviet Union in China in the early 1920s]. *Shankhai sinchzhen syueyuan' syuebao*, no. 1, pp. 21–27. (In Chinese.)

13. Baldo B. et al. (eds.). 1971. *Istoricheskii opyt bratskogo sodruzhestva KPSS i MNRP v bor'be za sotsializm* [The historical experience of the fraternal community of the CPSU and the MPRP in the struggle for socialism]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

14. Kapitsa M.S. 1970. Lev Karakhan (1899–1937) [Lev Karakhan (1899–1937)]. In: Astaf'ev G.V. (ed.). *Vidnye sovetskie kommunisty — uchastniki kitaiskoi revolyutsii* [Prominent Soviet communists — participants in the Chinese revolution]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5–21. (In Russ.)

15. Kartunova A.I. 2015. Novaya volna interesa istorikov k problemam kitaiskoi revolyutsii 1925–1927 gg. i neobosnovannaya popytka predat' ee zabveniyu [New wave of historians' interest to the events of 1925–1927 Chinese revolution and a vain attempt to forget it]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, vol. 45, no. 1, pp. 437–456. (In Russ.)

16. Kartunova A.I. 1983. *Politika Kompartii Kitaya v rabochem voprose nakanune revolyutsii 1925–1927 godov* [The policy of the Chinese Communist Party on the labor issue on the eve of the revolution of 1925–1927]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

17. Kartunova A.I. 2014. Rol' G.V. Chicherina v kitaiskoi politike Sovetskoi Rossii [The role of G. Chicherin in Chinese policy of Soviet Russia]. *Far Eastern Studies*, no. 4, pp. 77–96. (In Russ.)

18. Kryukov M.V. 2010. K voprosu o raznochleniyakh v tekste 'Deklaratsii Karakhana' 1919 g. (opyt tekstologicheskogo analiza) [On the discrepancies in the text of the 'Karakhan Declaration' of 1919 (textual analysis)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, vol. 40, no. 1, pp. 222–238. (In Russ.)

19. Liloyan G.Ts. 1989. Vydayushchiysya sovetskii diplomat: (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya L.M. Karakhana) [Outstanding Soviet diplomat: (On the 100th anniversary of the birth of L.M. Karakhan)]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 3–11. (In Armenian.)

20. Lo Syaokhuei. 2002. Lun' 1924 nyan' chzhun su vaitszyao guan'si de tszyan'li [On the establishment of Soviet-Chinese diplomatic relations in 1924]. *Chzhuchzhou shifan' gaoden chzhuan'ke syuesyao syuebao*, no. 3, pp. 55–59. (In Chinese.)

21. Luzyanin S.G. 1998. Vzaimootnosheniya Rossii, Mongolii i Kitaya v pervoi polovine XX v.: problemy, vyvody i otsenki [Relations between Russia, Mongolia and China in the first half of the 20th century: Problems, conclusions and assessments]. In: *Dal'nii Vostok Rossii — Severo-Vostok Kitaya. Istoricheskii opyt vzaimodeistviya i perspektivy sotrudnichestva* [Russian Far East — Northeast of China. Historical experience of interaction and prospects of cooperation]. Khabarovsk, Chastnaya kollektsiya Publ., pp. 101–103.

22. Luzyanin S.G. 1996. Komintern, Mongoliya i kitaiskaya revolyutsiya 1925–1927 gg. [The Comintern, Mongolia and the Chinese revolution of 1925–1927]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 65–75. (In Russ.)

23. Luzyanin S.G. 1994. Mongoliya, kotoruyu my poteryali [The Mongolia, which we have lost]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 6, pp. 35–36. (In Russ.)

24. Luzyanin S.G. 1995. Mongoliya: mezhdou Kitaem i Sovetskoi Rossiei (1920–1924) [Mongolia: Between China and Soviet Russia (1920–1924)]. *Far Eastern Studies*, no. 2, pp. 71–84. (In Russ.)

25. Lu Tszyan'khun. 1994. Su e yui beiyan chzhenfu de tszyan'tszyao shimo [The beginning and end of the establishment of diplomatic relations between Soviet Russia and the Beijing government]. *Min'go dan an'*, no. 4, pp. 73–77. (In Chinese.)

26. Lyu Li. 2007. *Tszya la khan' dui khua khodun shupin* [An overview of Karakhan's activities in China]. *Sinan' tszyaotun dasyue*. (In Chinese.)

27. Lyu Tszinchzhun. 2004. Su e chzhan'lin vai mengu tsi dui khua vaitszyao khodun [Soviet Russia's occupation of Outer Mongolia and diplomatic activity towards China]. *Shisyue yuekan'*, no. 2, pp. 70–77. (In Chinese.)

28. Lyu Tszyan'mei. 2020. *Tszyalakhan' chzhun su guan'si shishan syuan'bu feichu dui khua bu pinden tyao yue de byaochzhi sin zhen'u* [Karakhan is an iconic figure in the history of Soviet-Chinese relations, who announced the cancellation of the unequal treaty with China]. *Dan shi bo tsai (shan)*. (In Chinese.)

29. Ornatskaya T.A., Tsipkin Yu.N. 2007. Otnosheniya Dal'nevostochnoi respubliki s Kitaem (1920–1922 gg.) [Relations between Far Eastern Republic and China (1920–1922)]. *Russia and the Pacific*, no. 3 (57), pp. 17–26. (In Russ.)

30. Sokolov V.V. 1983. *Na boevykh postakh diplomaticheskogo fronta. Zhizn' i deyatel'nost' L.M. Karakhana* [At the combat sites of the diplomatic front. The life and work of L.M. Karakhan]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russ.)

31. Sokolov V.V. 1989. Polpred v Kitae Lev Karakhan [Envoy to China Lev Karakhan]. In: Popov N.V. (ed.). *Otkryvaya novye stranitsy...: Mezhdunarodnye voprosy: sobytiya i lyudi* [Opening new pages...: International issues: Events and people]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

32. Sokolov V.V. 1978a. Stranitsy zhizni i deyatel'nosti L.M. Karakhana [Pages of L.M. Karakhan's life and work]. *Modern and Contemporary History*, no. 3, pp. 90–103. (In Russ.)

33. Sokolov V.V. 1978b. Stranitsy zhizni i deyatel'nosti L.M. Karakhana [Pages of L.M. Karakhan's life and work]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 103–112. (In Russ.)

34. Sokolov V.V. 1978c. Stranitsy zhizni i deyatel'nosti L.M. Karakhana [Pages of L.M. Karakhan's life and work]. *Modern and Contemporary History*, no. 5, pp. 116–127. (In Russ.)

35. Sopel'nyak B.N. 2015. *Tainy russkoi diplomatii* [Secrets of Russian diplomacy]. Moscow, Veche Publ. (In Russ.)

36. Sun' Tsaishun'. 1997. Pin chzhun su tsaotsi vai mengu ven'ti chzhi tszy-aoshe [A commentary on the first Sino-Soviet negotiations on Outer Mongolia]. *Khuaibei mei shi yuan' syuebao*, no. 1, pp. 6–10. (In Chinese.)

37. Su e di i tsy dui khua syuan'yan' dui chzhun su guan'si de in syan (*Khu Tszishen' i*) [The influence of the First Declaration of Soviet Russia on China on Soviet-Chinese relations. Trans. by Hu Jishen]. 1988. *Danshi yan'tszyu yui tszyaosyue*. no. 5, pp. 77–78. (In Chinese.)

38. Syue Zhuikhan'. 2003. Tsunchzhun su tszetszyue syuan'an' dagan sedin de tsyan'din kan' su e tsaotsi dui khua chzhentse [A look at the early policy of Soviet Russia towards China since the signing of the general agreement on the settlement of unresolved cases between China and the Soviet Union]. *Lishi tszyaosyue*, no. 2, pp. 44–46. (In Chinese.)

39. Tyan' Baogo. 1999. *Min'go shitsi chzhun su guan'si (1917–1949)* [Sino-Soviet relations during the Republic of China (1917–1949)]. Tszinan' chuban'she. (In Chinese.)

40. U Mensyue. 1993. Tszyalakhan' shi khua khe tszyu vaitszyao tuan' de tszeti beitszin — chzhenfu khoutsi de i chan vaitszyao tszyuechzhu [Karakhan's mission to China and the collapse of the old diplomatic corps — Diplomatic rivalry in the late period of the Beijing government]. *Tszin'dai shi yan'tszyu*, no. 2, pp. 169–181. (In Chinese.)

41. U Yuan'kan. 2006. 1925 nyan'di chzhungun yui gomin'dan yupai tan'pan' yuan'in' byan'si [Analysis of the rationale behind the negotiations between the CPC and the right-wing Kuomintang at the end of 1925]. *Khefei syueyuan' syuebao*, no. 2, pp. 51–54. (In Chinese.)

42. Khuan Dintyan'. 2004. Tsunchzhun su sedin dao su zhi sedin i 1924 nyan' tsyan'khoul sulyan' de dui khua dui zhi vaitszyao [From the Soviet-Chinese agreement to the Soviet-Japanese agreement — The relations of the Soviet Union with China and Japan circa 1924]. *Syueshu tszyaolyu*, no. 3, pp. 157–162. (In Chinese.)

43. Khuan Tszilyan. 1982. Tszyalakhan' i vaigo paichzhu chzhungo de di i zhen' da shi [Karakhan is the first foreign ambassador to China]. *Lishi tszyaosyue*,

no. 8, pp. 43–44. Available at: <http://jds.cssn.cn/webpic/web/jdsww/UploadFiles/ztsjk/2010/11/201011181341001397.pdf> (accessed: 15.09.2024). (In Chinese.)

44. Chzhao Ven'lyan, Khu Siyuan'. 1999. *Tszyalakhan' yui sulyan' tszao tsi dui-khua vaitszyao* [Karakhan and the early Chinese diplomacy of the Soviet Union]. Khenan' shifan' dasyue syuebao (chzhesyue shekhuei kesyue ban'). (In Chinese.)

45. Chzhou Khai. 2005. Chzhun e sedin shi su e vaitszyaotszyan' de chan'u [The Sino-Russian agreement is a product of Soviet-Russian diplomatic practice]. *Lyao nin shi chzhuan' syuebao*, no. 5, pp. 135–136. (In Chinese.)

46. Yan Kuisun. 1990. Dagemin tsyan'tsi de gogun guan'si yui gunchan' gotszi [Relations between the Kuomintang, the CPC and the Comintern in the early period of the Great Revolution]. *Ven' shi chzhe*, no. 6, pp. 48–55. (In Chinese.)

Статья поступила в редакцию 11.06.2024;
одобрена после рецензирования 16.07.2024;
принята к публикации 26.09.2024

The paper was submitted 11.06.2024;
approved after reviewing 16.07.2024;
accepted for publication 26.09.2024